

105
N. 8.

Kp 574/1126.1

L'INDÉPENDANCE SAMOSTATNOST

НЕЗАВИСИМОСТЬ ՆՅԾՂՅՅՈՏԾԾԼՄԾՏ

НЕЗАЛЕЖИЦЬ ԿՆԿԿԻՈՒՐԻԼՆ

НЕЗАЛЕЖНАСЬЦЬ استقلالیة

NIEPODLEGŁOŚĆ

ITSENĀISYYS

NEPRIKLAUSOMYBĒ

NEATKARĪBA

ISESEISVUS

N 1

1926

PRAHA

10 47/1000

Рр 597. I №1 (1926)

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
1. От редакции	1
2. Ленинизм и марксизм ГРИГОРИЯ АЙОЛЛО	3
3. Об одном социологическом исследовании национального во- проса. Статья первая АЛЕКС. ГРИНИНА	21
4. Украинское крестьянство и большевики Н. ГАЛАГАНА	39
5. Русский вопрос на Украине М. ОСТЕРСКОГО	52
6. «Германская делегация» в Грузии Амог'а	57
7. К проблеме независимости горцев Кавказа. Реднегорца	59
8. С. С. С. Р.: 1) К переименованию Р. К. П. в В. К. П. и 2) Одно из приветствий Всесоюзной Ком. Партии	60
9. События в Польше Н. Г.	62
10. Отто Бауэр, Австрийская делегация и социал-демократическая тактика Г. А.	64

329(05)

2. 7. 6.

до 5122/62

НЕЗАВИСИМОСТЬ

(SAMOSTATNOST)

Непериодический журнал социал-демократической мысли.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ: Г. Г. АЙОЛЛО и Н. М. ГАЛАГАН.

ГОД ИЗДАНИЯ 1-ЫЙ

ПРАГА

ИЮЛЬ, 1926. № 1.

От редакции.

Журнал «Независимость» выходит непериодически.

«Независимость» не является органом какой либо партии, но будет отстаивать положения научного социализма, которыми проникнуты программы социал-демократических партий.

Задачи «Независимости» следующие:

Распространять правильное представление о *марксизме*, цели, средства и методы которого чудовищно извратили — как в теории, так и на практике — большевики, последователи *ленинизма*, этой смеси бакунизма, ткачевщины, нечаевщины и вульгаризованного марксизма. —

Призывать к борьбе за *социализм*, т. е. за установление такого общественного и экономического строя, при котором пролетариатом будут уничтожены как классы, так и все условия для классового антагонизма, все условия для гнета и эксплуатации человека человеком, нации нацией. —

Разъяснять, что достижение этого величайшего идеала человечества возможно только путем *демократии*, т. е. при помощи политической системы, не знающей цензовых привилегий, предоставляющей каждому гражданину, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права возможность участвовать в государственной жизни и влиять на нее, ставя под открытый и строгий общественный контроль все функции государства — законодательную, исполнительную и судебную власть. —

Указывать, что одной из существеннейших сторон демократии есть осуществление *права наций на самоопределение*, т. е. уничтожение деления наций на нации первого и второго сорта, предоставление каждой нации возможность быть хозяином своих политических судеб, строить собственное государство, жить совершенно независимо, или как равной с равными договариваться с другими нациями о формах совместной жизни. —

Подчеркивать, что без права наций на самоопределение не может быть проведена демократия, а, следовательно, не может быть проведен и социализм, что классовая борьба затемняется ожесточенной национальной враждой, которая в настоящее время принимает колоссальные размеры и служит одним из огромнейших препятствий для всякого прогресса. —

Обращать внимание на то, что на Востоке Европы, политика диктатуры, оккупаций, решение спорных национальных и национально-территориальных вопросов без ведома, участия, или против воли коренного населения и т. д. и т. п. создают постоянно действующий очаг национальной вражды и что прекращение этой вражды и работа по удовлетворению справедливых требований национальностей и установлению братских отношений между равноправными народами, является первым долгом не только всякого социалиста, но и подлинного демократа.

Пропагандировать необходимость тесного сотрудничества социалистов всех народностей Востока Европы и создания в рамках последней восточно-европейского Социалистического Интернационала, одного из отрядов мирового Социалистического Рабочего Интернационала. Этот отряд призван был могущественным фактором в деле установления на Востоке Европы национального мира.

«Независимость» будет информировать о положении дел на Востоке Европы, знакомить национальности с стремлениями и достижениями друг друга, и с работой национальных социалистических партий.

«Независимость» издается на русском языке, который в силу целого ряда объективных причин, стал языком сношений между народностями, входившими в состав бывшей Российской Империи.

Григорий Айолло.

Ленинизм и марксизм.

В 1917 году, вскоре после приезда своего из заграницы в Петербург, Ленин поднял вопрос о переименовании Фракции большевиков в коммунистов. Как известно, раньше большевики, официально выступали под знаменем «Российской Социал-демократической Рабочей партии». «Надо, — убеждал Ленин своих последователей, — скинуть грязную рубаху социал-демократии и надеть чистое белье коммунизма».

Предложение Ленина в конце концов было принято и большевики с тех пор настойчиво выставляют себя коммунистами.

Делая свое предложение Ленин вспоминал о Марксе и Энгельсе.

Маркс и Энгельс в конце сороковых годов прошлого столетия также не называли себя социалистами. Манифест, выпущенный ими в 1847 году, был обозначен как «Коммунистический» и людей, разделявших мнения, указанные в Манифесте, они там постоянно называют коммунистами.

Чем объяснить тогдашнюю нелюбовь к слову «социализм» основоположников *научного социализма*, как они сами впоследствии называли свое учение? Тем, что к моменту появления Коммунистического Манифеста, — как рассказывает Энгельс, — под именем социалистов разумелись два разряда людей: «с одной стороны — приверженцы различных утопических систем, особенно оуенисты в Англии и фурьеристы во Франции, причем и те и другие выродились тогда в простые, постепенно вымиравшие, секты; с другой стороны — разнообразнейшие социальные прожекторы, которые своими различными панацеями и всевозможными заплатами стремились устранить общественные бедствия, не причиняя ни малейшего неудобства ни капиталу, ни прибыли»^{*)}.

Ясно, что к таким «социалистам», по существу защищавшим основы буржуазного строя и, следовательно, так или иначе примыкавшим к буржуазному движению, а, тем самым, стоявшим вне рабочего движения — Маркс и Энгельс себя причислить не могли. Они уже тогда твердо держались убеждения, что *коренное* переустройство капиталистического общества теснейшим образом связано с

^{*)} Из предисловия Энгельса к Коммунистическому Манифесту.

освобождением рабочих, причем освобождение последних должно быть делом самого рабочего класса.

Среди рабочих того времени были отдельные группы, которые убедились в недостаточности одних политических переворотов для улучшения их участи. Они поняли необходимость полного переустройства общества. Эти-то группы и называли себя коммунистическими. «Это был, — продолжает Энгельс, — только начерно выработанный, лишь инстинктивный, подчас несколько грубый коммунизм, но он был достаточно силен, чтобы породить две системы утопического (курсив мой) коммунизма: во Франции — «икарийский» коммунизм Кабе, в Германии — коммунизм Вейтлинга»^{*)}. Маркс и Энгельс ни минуты, понятно, не колебались между социалистическими и коммунистическими течениями и выбрали для себя название коммунистов.

Ленин решил, что и ему надо выбирать между «социализмом» и «коммунизмом». Он полагал, что превратившись в «коммуниста» он превратится из Савла в Павла, что он порывает с движением, якобы выродившимся в «прислужничество буржуазии», в «братание с империалистами», в «социал-патриотизм», в «социал-шовинизм» и т. д. и т. п. и объединяется с подлинным, настроенным интернационалистически, рабочим движением. Но он ошибся.

Несмотря на все грехи поведения отдельных национальных отрядов международного социализма в период мировой войны, социал-демократия повсюду оставалась пролетарской партией, шла во главе рабочего класса и следовала марксистским принципам. «Порвать» с социал-демократией — значило внести раскол в ряды мирового пролетариата, раскол, исключаящий — решительно и навсегда — всякую возможность объединения рабочих сил, союза между ними, совместных выступлений, единого фронта... Если в результате войны Интернационал распался, то в результате мира Интернационал неизбежно должен был возродиться. Острые разногласия внутри социализма должны были стухнуть перед необходимостью борьбы с капитализмом. Ленин же преследовал цель не допускать никоим образом этого стухивания. Он сознательно вставлял клинья в трещины здания социализма и бил неустанно по этим клиньям, чтобы развалить здание. Он создал самостоятельный Интернационал куда подбирались только социалисты, покорно согласившиеся выполнить все — двадцать один — условия «очищения от социал-демократической «скверны». Этим он внес гражданскую войну в рабочий класс. Он, конечно, даже не вспомнил, что по Марксу и Энгельсу «коммунисты не составляют какой либо особой партии по отношению к другим рабочим партиям», что «ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий: формирование пролетариата в класс, свержение господства буржуазии, завоевание политической власти»^{**)}. Воспоминание хотя бы об этих, элементарных положениях марксовского коммунизма должно было бы заставить

^{*)} Там же.

^{**)} См. «Коммунистический Манифест».

Ленина, зарекомендовавшего себя фанатическим учеником Маркса, забыть идейную месть к другим пролетарским партиям, которые не признали его радикальнейших методов прекращения войны и путей к осуществлению социализма, и постараться найти с этими партиями общий язык. Нет, мстительность Ленина была настолько велика, что он объявил весь социализм, не солидарный с его собственным «социализмом», буржуазным движением. Он пламенел одним желанием: уничтожить своих социалистических врагов, не останавливаясь и перед физическим истреблением. К несчастью, обстоятельства помогли ему это желание широко осуществлять по крайней мере в «советской России».

Маркс и Энгельс называли себя коммунистами. Но от утопических коммунистов типа Кабе или Вейтлинга, они отличались как небо от земли. В частности, они энергично боролись с Вейтлингом, своей пропагандой наделавший не мало бед в Германии. Это тот самый Вейтлинг, коммунизм которого, как выше указано, родился в недрах рабочего класса. Деятельность Вейтлинга в Германии поразительно напоминает... деятельность Ленина в России. И странное совпадение: оказывается, Маркс советовал Вейтлингу отправиться в Россию, чтобы там «быть у места». Об этом проницательном совете Маркса имеются показания достоверного свидетеля и мы их здесь полностью приведем.

Этот свидетель русский, известный друг Белинского, Герцена и других членов знаменитого кружка западников, группировавшихся около Н. В. Станкевича. Его фамилия П. В. Анненков. В русском периодическом журнале «Вестник Европы» за апрель 1880 г. он поместил свои воспоминания. На странице 497 Анненков рассказывает о своей встрече в 1847 году (как раз в год опубликования «Коммунистического Манифеста») с Марксом в Брюсселе. И вот, что он рассказывает:

С первого же свидания*) Маркс пригласил Анненкова на совещание с портным Вейтлингом. «Совещание назначалось для того, чтобы определить, по возможности, общий образ действий между руководителями рабочего движения».

Совещание открыл Энгельс. Он произнес речь о «необходимости между людьми, посвятившими себя преобразованию труда, объяснить взаимные свои воззрения и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменем для всех последователей, не имеющих времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельс, еще не кончил речи, как Маркс, подняв голову, обратился прямо к Вейтлингу с вопросом:

— «Скажите же нам Вейтлинг, вы, которые так много наделали шума в Германии своими коммунистическими проповедями и привлекли к себе столько работников, лишив их мест и куска хлеба,

*) Об этом свидании упоминает в своих «Спорных вопросах социализма» Эд. Бернштейн, но, очевидно, со вторых рук и потому очень поверхностно.

какими основаниями оправдываете вы свою революционную и социальную деятельность и на чем думаете утвердить ее в будущем?

«И когда Вейтлинг начал разглагольствовать, видимо желая удержать совещание на общих либеральных местах, Маркс гневно его прервал и начал свои возражения. Сущность саркастической его речи заключалась в том, что возбуждать население, не давая ему никаких твердых, продуманных оснований для деятельности значило просто обмануть его.

«Возбуждение фантастических надежд, о котором говорилось сейчас, — замечал далее Маркс, ведет только в конечной гибели, а не к спасению страдающих. Особенно в Германии обращаться к работнику без строго научной идеи и положительного учения равносильно с пустой и бесчестной игрой в проповедники, при которой, с одной стороны полагается вдохновенный пророк, а, с другой допускаются только ослы, слушающие его, разинув рот.

— «Вот, прибавил он, один русский. В его стране, Вейтлинг, ваша роль могла бы быть у места. Там, действительно, только и могут удачно составляться и работать союзы, между нелепыми проками и нелепыми последователями.

«В цивилизованной земле, как Германия, продолжая развивать свою мысль Маркс, люди без положительной доктрины ничего не могут сделать, да и ничего не сделали до сих пор, кроме шума, вредных вспышек и гибели самого дела, за которое принялись».

Объективный рассказ П. В. Анненкова знаменателен во всех отношениях.

Прежде всего он окончательно решает вопрос о том, на чью сторону стал бы Маркс в нынешнем споре между ленинизмом и марксизмом. Такой вопрос был поднят самими большевиками. Они на всех перекрестках торжествуяще объявили себя единственными, истинными истолкователями и продолжателями Маркса; они клялись, что при своем «вулканическом» темпераменте и революционной страстности последний непременно, будучи живым, взял бы их под свое крылышко, если б не сразу же примкнул к ним. Враги пролетариата, которым выгодно большевицкими приемами оправдывать собственные грязные приемы политического управления, охотно поддакивали российским большевикам и усердно отыскивали доказательства, что большевики одни наиболее последовательные, бесстрашные, «марксистские» социалисты...

Действительно, Маркс обладал «вулканическим» темпераментом и революционной страстностью, но эти черты его характера никогда не толкали его на «обман населения», на возбуждение «фантастических надежд», на «пустую и бесчестную игру в проповедники». Маркс руководствовался в своих житейских отношениях «элементарными основами нравственности и права», тогда как Ленин цинично рекомендовал придерживаться элементарных правил иезуитов. И большевики только тем и занимались, что эти правила осуществляли в жизни. Они, захватывая власть, обещали российскому населению мир, хлеб и свободу и вместо этого посеяли и взрастили гражданскую рознь, голод и деспотизм. Они возбудили надежды крестьянства

на землю, но отдали ему землю по принципу: «грабь награбленное», благодаря чему земля была *расхищена*, а не *распределена*, попутно же был разбит высокой ценности инвентарь и съеден или просто зарезан племенной скот. «Дав» крестьянам землю, большевики не могли дать урожая и крестьянство заплатило за полученное дорогую цену: несколько миллионов человеческих жизней, погибших от голода. Они возбудили надежды у рабочих на немедленное проведение социалистического строя в стране, тяжело страдавшей главным образом от недостаточного развития капитализма, где едва только начали устанавливаться капиталистические производственные отношения. Следствием их обещаний был неслыханный развал промышленности и транспорта,—и так уже подкошенных колоссальнейшим военным напряжением,—повальное бегство рабочих из *города в деревню*, ужаснейшая безработица, длинный рабочий день и низкий уровень реальной заработной платы. Они, наконец, стали иступленными Сованароллами от социализма и бешено проповедывали свои истины, — абсолютные и безусловные, — принуждая народные массы огнем и пытками слушать только их и возможно шире раскрывать свои рты от ежедневных «коммунистических» откровений. Кто у большевиков не желал играть роль, выражаясь языком Маркса, *осла*, тех просто приставляли к стенке. На свободную мысль и печать были надеты намордники. На самоопределившиеся в империи народы, которые ввели у себя демократию и отвергли диктатуру, была двинута походом красная армия...

Разве мог со всем этим согласиться Маркс? Ему достаточно было бы услышать как Ленин, еще до Октябрьского переворота, высчитывал: «если 100.000 помещиков могли управлять Россией, — почему ею не смогут управлять 200.000 коммунистов»*) или: «достаточно арестовать 50 капиталистов и можно приступить к постройке социализма»**), чтобы без колебания зачислить его в число безнадежных, и главное — реакционных — утопиков. Маркс уже тогда пришел к заключению, что «ни одна общественная формация (в данном случае: капиталистическая в России) не погибает прежде, чем не разовьются все производительные силы, для которых она достаточно широка, и новые высшие производственные отношения (в данном случае социалистические в России) никогда не устанавливаются раньше, чем в недрах старого (в данном случае: российского полукapиталистического) общества не созреют материальные условия их существования»***). Относительно же капиталистов Маркс бы тогда уже повторил «несколько слов» для того, чтобы устранить «возможные недоразумения». Он бы сказал: фигуру капиталиста и земледельца я рисую (в «Капитале» Г. А.) далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных

*) В брошюре: «Удержат ли большевики государственную власть?»

**) В речи на заседании Петербургского совета рабочих депутатов.

***) См. предисловие Маркса к «Критике политической экономии», появившейся в 1859 г.

классовых отношений и интересов. Так как я рассматриваю развитие экономической формации общества как естественно-исторический процесс, то отдельное лицо с моей точки зрения менее, чем с какой-либо иной, ответственно за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается во всяком случае, как бы ни возвышалось оно над ним субъективно»). И тем более Маркс не согласился бы на такие мероприятия российского «пролетариата», который «освобождая» себя, вместо освобождения также всего русского населения от невзгод капиталистического строя, создал из так называемых буржуазных элементов бесправных париев, лишенных даже права на существование, на хлебные пайки, на труд, на образование вплоть до седьмого колена.

Но рассказ Анненкова открывает нам дальше еще одну, более важную, сторону революционной деятельности, так, как ее понимал Маркс: эту деятельность нужно «оправдать» в прошлом и «утвердить» в будущем. Вейтлинг в Германии «наделал много шума» и привлек к себе многих работников. Но от его коммунистических проповедей работники лишились «мест и куска хлеба», задуманное им дело погибло, а сам вдохновенный проповедник бежал в Брюссель. Хотя Германия тогда переживала приблизительно такую же стадию развития капитализма, какую переживала Россия в начале двадцатого столетия (при прочих, конечно, равных условиях), хотя ее пролетариат составлял тогда такой же малый процент населения, как нынешний пролетариат в России, хотя ее тогдашняя буржуазия, в особенности прусская, накануне революции 1848 года поразительно напоминала российскую буржуазию*) накануне революций

†) См. предисловие к первому изданию «Капитала», подписанного в 1867 г.

*) Вот яркая характеристика немецкой буржуазии, данная Марксом в *Neue Rheinische Zeitung* за 1848 г.: «немецкая буржуазия развивалась так лениво, медленно и робко, что в момент, когда она стала угрожать феодализму и абсолютизму, она сама увидела, что ей угрожает пролетариат и все те фракции общества, интересы и идеи которых были родственны интересам пролетариата. Она увидела не только один враждебный класс за собой, но и всю враждебную ей Европу перед собой. Прусская буржуазия не была подобно французской в 1789 г. классом, который представлял все современное общество перед представителями старого общества: королевской властью и дворянством. Буржуазия опустила до положения сословия, выступившего так же резко против короны, как и против народа, оппозиционно против обоих, нерешительно по отношению к каждому из своих противников в отдельности, потому что она всегда видела обоих то за, то перед собою. Она была с самого начала склонна к измене народу и к компромиссу с коронованными представителями прежнего общества, так как она сама принадлежала старому обществу, представляя интересы не нового общества против старого, а подновленные интересы внутри устаревшего общества; стоя у кормила революции не потому, что за ней был народ, а потому, что народ толкал ее вперед; стоя во главе не потому, что она представляла инициативу нового общества, а потому, что она представляла зло старой общественной формации; не сам вырвавшийся слой старого государства, а слой землетрясением выброшенный на поверхность нового государства; без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами; эгоистическая по отношению к обоим и с сознанием своего эгоизма; револю-

1905 и 1917 гг. — Маркс считал ее «цивилизованной землей». И совершенно беспристрастно сравнивая даже тогдашнюю Германию с нынешней Россией надо признаться, что Россия и в момент Октябрьского переворота, устроенного большевиками и после восьмилетних упражнений их народного комиссара просвещения г. Луначарского еще остается землей нецивилизованной. Германия — Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха, Гете, Гейне, Шиллера, Маркса, с целой сетью университетов, этих «барометров общества», с почти всеобщей грамотностью и Россия, с ее несколькими жалкими университетами, еле-еле терпимых, откуда лучшие ученые вынуждались эмигрировать за границу, где гении в неизбывной тоске восклицали: «угораздило же меня с умом и сердцем родиться в России^{*)}», где среди народа грамотные пересчитывались по пальцам и где царствовала удушливая атмосфера мертвецкой!.. В Германии, заявлял Маркс, надо иметь «строгую научную идею» и «положительное учение». У Вейтлинга ни того, ни другого не было. Маркс имел и то и другое: он уже открыл как материалистическое понимание истории, так и тайну прибавочной стоимости и ее значения в капиталистическом обществе. Вейтлинг возбуждал у рабочих «фантастические надежды». Маркс его жестоко критиковал. Но в чем именно заключались вейтлинговские «фантастические надежды»? Почему Маркс так «вулканически» его ругал открыто, не стесняясь, в присутствии совсем посторонних немецкому рабочему движению лиц? Почему он отсылал Вейтлинга с его коммунистической проповедью в Россию, страну отсталую для коммунизма, а не в Англию, где во всяком случае было для этого бесконечно больше объективных и субъективных предпосылок? И почему Маркс так уверенно предсказывал, что на родине Анненкова «только и могут удачно составляться и работать союзы, между нелепыми пророками и нелепыми последователями»?

Здесь, как немцы выражаются, и зарыта собака.

Вейтлинг был коммунист. Что делал он в Германии? Чем он привлек к себе там многих рабочих? *Проповедью коммунизма*. Неужели же Маркс за это так страстно на него обрушился? Ведь и он сам был коммунистом. Он сам проповедовал коммунизм и готовил свой громовой Коммунистический Манифест, который должен был разъяснить что из себя представляет *призрак* коммунизма, наводившего ужас и на русского царя, и на палу римского, и на всех

ционная по отношению к консерваторам, консервативная по отношению к революционерам; не доверяя своим собственным лозунгам; с фразами вместо идей; напуганная мировой бурей; эксплуатируя мировую бурю; нигде с энергией — везде с плагиатом; пошлая в силу неоригинальности, оригинальная в пошлости; торгуя своими собственными желаниями; без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без мировой миссии — окаянный старец, осужденный на руководство первыми порывами молодости здорового народа в своих собственных старческих интересах». Для портрета русской буржуазии к этим словам почти ничего не следует прибавлять.

*) Слова Пушкина.

врагов рабочего класса! Странная непоследовательность со стороны Маркса!

Но ничего странного и непоследовательного мы не найдем в поведении Маркса на совещании в Брюсселе в присутствии Анненкова, если примем во внимание *экономическое и политическое положение Германии в 1847 году*.

Германия была тогда накануне *революции*. Какой? Накануне *буржуазной* революции. Вейтлинг же проповедывал необходимость осуществления коммунизма, то есть призывал рабочих подняться для того, чтобы *насадить* в Германии *коммунистический строй*. В противоположность Вейтлингу Маркс находил, что Германия не созрела для коммунистической революции. Задачи коммунистической партии в Германии он определял так: «в Германии коммунистическая партия как только буржуазия выступает революционно, *борется вместе с ней* против *абсолютной монархии, против феодальной поземельной собственности и мелкой буржуазии*»^{*)}. Эта тактика, разумеется, ничего общего не имела, с вейтлинговской тактикой, ибо кто зовет к коммунизму «немедленно»^{**)} тот не только не может совместно бороться с буржуазией, но стремится возможно скорее повергнуть эту буржуазию на землю и стать ей ногой на грудь. И не надо забывать, что Маркс прекрасно знал все положительные и отрицательные качества буржуазии, когда провозглашал, что коммунистическая партия будет совместно с своим главным врагом бороться против врагов последнего. Надеяться же на то, что пролетариату удастся уничтожить и феодализм, и монархию, и буржуазию Маркс всегда не находил возможным. Пролетариат там идет спокойно к победе, где история оставила против него не много, а одного, достаточно самого по себе сильного и требующего для его поражения достаточно огромных усилий, врага.

Такая тактика Маркса обуславливалась его «твердыми и продуманными основаниями», которые, в свою очередь покоились на строгой научной идее, что развитие общества идет с естественной *закономерностью*: «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» и, если общество «попало на след естественного закона своего развития», то оно «не может ни *перескочить* через необходимые фазы развития, ни *отменить последние декретами*»^{***)}. Германия «попала» на капиталистический «след». Она не может «перескочить», расправившись с феодализмом, через капитализм прямо в коммунизм. И, даже если бы те, кто собрался этот скачек сделать, получили бы *силу издавать декреты*, то никакие декреты не сумеют отменить «необходимые фазы развития».

Вот почему Маркс так «вулканически» обрушился на Вейтлинга: вместо того, чтобы *содействовать* буржуазной революции, которая могла создать необходимую обстановку для коммунистической рево-

*) См. Коммунистический Манифест.

***) Как большевики.

***) Предисловие к первому изданию «Капитала».

люции, нетерпеливый социальный реформатор тормазил и ту и другую. Вместо того, чтобы разъяснить рабочим, что буржуазия, победив своих смертельных врагов, неизбежно вынуждена будет создать общественные и политические условия, которые пролетариат использует, чтобы их же обратить против буржуазии, Вейтлинг обнаружил *максималистские* аппетиты, азарт игрока: или все, или ничего, «или коммунизм — или ничего».

Вейтлинговские настроения не исчезли в среде рабочего класса Германии после суровой отповеди Маркса. Нам известно, что в сентябре 1850 г., после того, как революция 1848 г. потерпела крушение, в «Коммунистическом Союзе» поднялись споры о том же, о чем в 1847 г. спорил Маркс с Вейтлингом. Меньшинство Союза, руководимая Карлом Шампером и А. Виллихом, — уже по свидетельству самого Маркса, — «вместо действительных условий видит двигательную силу революции в одной только воле к ней. Мы (большинство Союза, стоявшего на точке зрения Маркса Г. А.), говорим рабочим: вам придется еще 15, 20, 25 лет переживать гражданские и международные войны не только ради изменения условий, но и для того, что бы вы сами изменились и подготовились к политическому господству, вы — (меньшинство Г. А.), напротив говорите: мы должны немедленно взять власть в свои руки, или мы можем сдать себя в архив. В то время как мы указываем немецкому рабочему на еще сравнительно низкую степень немецкого пролетариата, вы потворствуете национальному чувству и сословным предрассудкам немецких ремесленников, чем вы снискиваете себе, конечно, популярность. Как демократы сотворили себе святенью из слова *народ*, так для вас святеньей является слово *пролетариат*. Как и демократы, вы на место революционного развития подсовываете революционную фразу»^{*)}).

Призывать к осуществлению коммунизма в условиях, подходящих лишь для буржуазной революции, значило обманывать население, возбуждая в нем фантастические надежды. Так поступал Вейтлинг. Но так же поступал и *Бакунин*, метавшийся как раз в это время по всей Европе. Между прочим он имел связи и с коммунистами вейтлинговского толка^{**)}. Он призывал «революционную гольтубу» подняться на «последний решительный бой» за осуществление разработанного им идеала анархизма, заключавшегося в уничтожении всякой принудительной власти и в организации вольных союзов производителей. Для Европы проповедь Бакунина являлась нелепостью и даже дружественные ему элементы там довольно решительно отвергали всю квинт-эссенцию бакунизма, выжатой из «особых», «социалистических», «начал» русской деревенской общины, от которой приходили в восторг матерые прусские реакционеры, вроде прусского юнкера барона Гакстгаузена, открывшего эту пресловутую общину. Те, кто соблазнился бакунизмом и попы-

^{*)} См. К. Маркс: Коммунистический процесс в Кельне.

^{**)} См. указание на это у А. Герцена в «Былое и думы», т. IV, стр. 98, издание «Слово», Берлин, 1921 г.

тались впоследствии на практике провести его в жизнь, как например в Испании, ничего кроме шума и вреда рабочему классу не принесли. В России же Бакунин имел серьезный успех и преданных последователей, ибо там искренно верили в возможность скачка от азиатской деспотии прямо в социалистический строй. Маркс все это прекрасно знал; знал, очевидно, и о связях Вейтлинга с Бакуниным и поэтому указывал первому путь в Россию, где «только и могут удачно составляться и работать союзы между нелепыми пророками и нелепыми последователями», где положительной доктрине предпочитают «возвышающий обман»^{*)}.

Ирония истории проявилась в том, что пустовавшее кресло Бакунина призван был занять «ортодоксальнейший» из ортодоксальных последователей марксизма, — как он сам об этом постоянно и упорно заявлял, — г. Н. Ленин.

До первой революции — 1905 года — Ленин сам очень определенно предостерегал от анархических увлечений. Он доказывал, что степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. Он прямо говорил, что только самые невежественные люди могут игнорировать буржуазный характер происходившего демократического переворота, только самые наивные оптимисты могут забывать о том, как еще мало знает масса рабочих о целях социализма и способах его осуществления. «А мы, — писал он, — все убеждены, что освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих. Без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классовой борьбой со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи. И в ответ на анархические возражения будто мы откладываем социалистический переворот мы скажем: «мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом, по единственно верной дороге, именно по дороге демократической республики». Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот *неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле выводам*. Если те или другие рабочие спросят нас в соответствующий момент: почему бы не осуществить нам программы максимум? — мы ответим им указанием на то, как чужды еще социализму демократически настроенные массы, как неразвиты еще классовые противоречия, как неорганизованы еще пролетарии. Организуйте ка сотни тысяч рабочих по всей России, распространите сочувствие своей программ среди миллионов! Попробуйте сделать это, не ограничиваясь звонкими, но пустыми анархическими фразами — и вы увидите тотчас же, что осуществление этой организации, что распространение этого социалистического просвещения зависит от воз-

^{*)} «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» (Пушкин).

можно более полного осуществления демократических преобразований»*)).

Все это писал *Ленин*. Он собрал все доводы Маркса, относительно неизбежности политического демократизма в стране полуфеодальной и бросил их в тех, кто твердил о необходимости немедленного социалистического переворота в России. Со времени написания этих знаменательных слов прошло тринадцать лет. Ленин оказывается на самом гребне второй — в 1917 году — российской революции. Только что свергнуто самодержавие. Страна опустошена. Война выпила ее соки и поставила перед революцией ряд задач, которые грозят сломать последней позвоночный хребет. Все разваливается. Разгуливается безудержная стихия. И Ленин опьяненный революцией провозглашает курс на социалистические берега. Он вскарабкивается на государственный корабль, захватывает сломанный руль и без ветрил мчится в неизвестную даль.

За эти тринадцать лет объективные и субъективные условия для полного освобождения рабочего класса в России почти ни на йоту не изменились. Правда, радикально изменилась международная обстановка. Уже в 1910 году Рудольф Гильфердинг в своем известном произведении «Финансовый капитал» доказывал, что ответом пролетариата на империализм может быть только социализм; что целью пролетарской политики может являться преодоление капитализма, сознательное регулирование хозяйства не магнатами капитала и не на их пользу, а всем обществом и на пользу всего общества. Социализм на Западе перестает быть отдаленным идеалом, а становится существенным элементом в непосредственной практической политике пролетариата. Этой политикой чрезвычайно способствует финансовый или банковый капитал, все более сосредоточивающий власть над общественным производством в руках малочисленных капиталистических ассоциаций. Раз финансовый капитал поставил под свой контроль важнейшие отрасли производства — рассуждал Гильфердинг, — то достаточно будет обществу через свой исполнительный орган — завоеванное пролетариатом государство — овладеть финансовым капиталом и тогда этот орган получит распоряжение над важнейшими сферами производства. Гильфердинг полагал, что овладение шестью крупными берлинскими банками уже «в настоящее время» (это в 1910 г.) «было бы равносильно овладению важнейшими сферами крупной промышленности и до чрезвычайности облегчило бы первые шаги политики социализма в тот переходной период, когда капиталистический метод счетоводства представляется еще целесообразным»**). Мировая война, казалось, окончательно подготовила крах капитализма и вместе с тем социальную революцию на Западе. Следовательно, оставалось лишь стараться превратить империалистическую войну в гражданскую и пролетариат овладел бы государством.

*) См. Вл. Ильин (Н. Ленин): За 12 лет. Собрание статей. Петербург, 1908 г., стр. 397. Курсив везде мой.

***) См. заключительную главу «Финансового Капитала».

Ленин и сделал этот вывод. Будучи во время войны в эмиграции, он эти идеи проводил на конференциях социалистов (в Кинтале и в Циммервальде), беспощадно клеймя тех, из социалистов, кто стоял на «оборонческих позициях» и не работал для социальной революции. Но до приезда в Россию он сам «работал» для социальной революции в Европе, еще понимая, что Россия к ней не подготовлена. Пересекши же в plombированном вагоне Германию, он, по пути в Россию, внезапно, перестроил всю свою русскую идеологию и в центре ее поместил немедленное осуществление социализма как непосредственная, практическая цель российского пролетариата.

Такая «внезапная» перестройка в ленинской идеологии не было следствием одного случайного наития. Основные элементы ее уже были подготовлены давно в той тактике, которую отстаивал большевизм в своей борьбе с меньшевизмом.

В то самое время, когда Ленин так убедительно указывал на «единственно возможный способ», осуществления социализма «по единственно верной дороге, именно по дороге демократической республики» он, попутно, настаивал на «диктатуре пролетариата и крестьянства» для доведения демократической революции «до конца». Повторяю: для доведения только демократической революции до конца. Вся его выше приведенная филиппика против «анархистов» и «наивных оптимистов» была написана в доказательство, что рекомендуемая им «диктатура» совсем не задается социалистическим переворотом. По его тогдашнему мнению — так как движущими силами российской революции являлись пролетариат и жаждавшее земли крестьянство, — то эти именно силы и должны были явиться наследниками самодержавия и, взявши власть, провести все революционные преобразования и установить демократическую республику. Большевики основательно возражали, что подобный план во первых утопичен, а во вторых, «союзники» должны будут скоро друг с другом распротиться: крестьянство, получив землю, охладает и к революции и к пролетариату, который, неудовлетворенный революцией в своих основных классовых требованиях, попытается, имея власть в руках, осуществить эти требования, т. е. осуществить социализм. Но будучи малочисленным, покинутый своим компаньоном — крестьянством — пролетариат должен будет действовать на свой страх и риск, т. е. действовать изолированно. Каков конец всей этой «диктатуры»? В лучшем случае — свержение пролетариата и пришествие к власти буржуазных группировок, а в худшем — «нелепые и реакционные, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводы».

Таким образом, пока Ленин шел за Марксом, он давал разумные указания. Но едва он начинал нести «отсебятину», он покидал точку зрения положительной доктрины Маркса и становился всецело на точку зрения «анархистов» и «наивных оптимистов».

Однако, он не только проповедывал «диктатуру», прикрытую флером «демократичности» при пришествии к власти, но и проводил эту диктатуру внутри своей фракции большевиков. Он отталкивал от себя всех, кто смел свое суждение иметь, и добился того,

что вокруг него сплотилась кучка лиц, слепо ему преданных. Он возбуждал фантастические надежды, которые неминуемо должны были привести к «конечной гибели», а не к «спасению страдающих» работников. И те, кто слушали его, «разинув рот» тем более преклонялись перед этим вдохновенным пророком, что он, — подобно верующему, который не идет без Бога даже до порога, — без имени Маркса на устах не разрабатывал ни одной своей тактической директивы.

Но Ленину мешали меньшевики. Последние не уставали разъяснять российскому пролетариату всю игру будущего диктатора. И весьма успевали в своих разъяснениях: наиболее активная часть рабочего класса, наиболее сознательные рабочие отворачивались от большевизма. И Ленин, чтобы привлечь рабочих на свою сторону не стеснялся ни в каких средствах, начиная от заведомой клеветы. Недавно, когда кипела «дискуссия» вокруг великолепного Троцкого, бывшего, как известно долгие годы горячим противником Ленина, Троцкому ехидно напомнили его «конденсированную» характеристику перед интернациональным рабочим движением «философии» большевизма: «ленинцы — это кучка интеллигентов, которые под руководством не стесняющегося никакими средствами человека — Ленина — держат темными путями в своих руках движение русского пролетариата, который благодаря своему невежеству и отсталости, верит большевикам; задача должна заключаться в том, чтобы освободить пролетариат России от засилия этой кучки и их лидера Ленина»^{*)}. Тот, кто знаком с советами Ленина, как обязан поступать коммунист^{**}), увидит, что Троцкий некогда совершенно справедливо оценивал и Ленина и большевизм.

В революции 1905 года Ленин лавировал в высшей степени примитивно: идет революция на подъем или на упадок, он выкидывал и в том и в другом случае самые крайние лозунги. Самодержавие, после октябрьских дней, когда оно смертельно испугалось и выбросило народу кость в виде манифеста о свободах, вскоре оправилось и все тверже натягивало узды правления. Ленин требует вооруженного восстания. Восстание вспыхивает в Москве и адмирал Дубасов топчет его в крови тысяч людей и в груде обломков зданий, разрушенных артиллерией. Подготавливаются выборы в первую Государственную Думу, Ленин рвет и мечет, «уничтожает конституционные иллюзии», дает пароль бойкотировать Думу. Пролетариат остается без представительства и только перед концом Думы грузинские меньшевики кое-как пытаются спасти положение выбранными от Кавказа депутатами. Рабочие изо всех сил напрягаются, чтобы сорганизовать профессиональное кооперативное, просветительное движение, пользуясь представившимися «легальными» возможностями — ленинцы срывают всю эту кампанию, руководствуясь прави-

^{*)} См.: За партию, за Ленинизм! «Об уроках Октября», статья и речи II-е дополненное издание. Рабочее издательство «Прибой», Ленинград, 1924, стр. 18.

^{**}) Особенно развитых Лениным в брошюре «Детская болезнь левизны коммунизма».

лом: «или все, или ничего». Уже тогда у ленинцев борьба с самодержавием отодвигалась на задний план, перед борьбой с меньшевизмом. И разумеется, что в результате получилось нечто неслыханное и невиданное: российские социалисты взаимной грызней, которую все снова и снова подогревали большевики, совершенно развратили верхние слои пролетариата, втягивавшегося в социалистическое движение. Доходило до того, что в Государственную Думу, представителем от рабочих в трогательном единодушии намечали одного и того же кандидата Ленин и... охранное отделение (Малиновского), причем, в ответ на разоблачение меньшевиков, вдохновенный пророк сознательно брал под свою защиту злостного провокатора*). Материальные же средства на все «дело» черпались Лениным не путем партийных взносов или сборами среди сочувствующих социалистическому движению кругов, а самыми темными способами, вплоть до ограбления, подготовлявшихся правой рукой Ленина, нынешним диктатором С. С. С. Р. — Сталиным†).

Повиснувшая в воздухе в 1905 году ленинская идея о «диктатуре пролетариата и крестьянства», была им реставрирована в 1917 году. Его расчеты были просты до умиления: Временное Правительство — это власть буржуазии; Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — это будущие органы диктатуры пролетариата и крестьянства; между Временным Правительством и Советами возникает борьба; Ленин — за всю власть Советам. Опираясь на наэлектризованных классовою ненавистью рабочих и на деклассированных солдат, дезертировавших с фронта или не желавших туда идти, он свергает Временное Правительство, т. е., «буржуазное господство». Керенский бежит. Вся власть концентрируется в руках Советов. Их съезд избирает Центральный Исполнительный Комитет; образовывается правительство под псевдонимом «Совет Народных Комиссаров». Это правительство «коалиционное»: пролетариат представлен большевиками, а крестьянство — левыми социалистами-революционерами. Начинается «диктатура» пролетариата и «беднейшего» крестьянства. Весь старый государственный аппарат «разбивается». Крестьянству даруется свобода делать с землею что им угодно. Национальностям «позволяется» самоопределиваться. Промышленность, торговля, и всякая недвижимость, вроде домов, национализируется. Имущество всех «граждан», обладающих больше чем две рубашки, «реквизируется». Недели и месяцы идет повальное, систематическое обдирательство из дома в дом обывателей. Под стук автомобильных моторов непрерывно расстреливают «контр-революционеров»; в тюрьмы ввергаются «заложники» от буржуазии,

*) Любопытные разоблачения об этом даны в «Заметках» в № 3(97) от 18-го февраля 1925 г. «Социалистического Вестника», Берлин.

†) Покойный лидер меньшевиков Ю. О. Мартов неоднократно выступал и в печати и публично с документальными данными о так называемых экспроприациях большевиков. Умершему уже при советской власти Камо Тер-Погосову, ограбившему для Ленина на несколько сот тысяч рублей кассира на Ериванской площади в Тифлисе, большевики устроили пышные похороны, как герою.

среди которых преимущественно демократы и социалисты. Во всех уголках обширной империи развязывается гражданская война. Пушками сметаются деревни и города, — «гнезда» белогвардейцев. Торжественно поднимаются и ведутся переговоры о «мире без аннексий и контрибуций» с Германией, но поспешно подписывается, «не читая», брест-литовский договор и покорно уступает немецким империалистам и турецким башибузукам то, чего домогаются Людендорф и Энвер-паша. Бравым матросско-кавалерийским маневром разгоняется Учредительное Собрание и, вместо демократической республики, устанавливается режим кровавой живодерни.

Действия большевиков наводят ужас даже на их ближайших товарищей — левых социалистов-революционеров. В их лице «крестьянство» сперва фрондирует, а потом и открыто борется с российскими коммунистами. Левые социалисты-революционеры дают из своей среды террористку, которая подстреливает Ленина. В ответ расстреливаются и бросаются в подвалы Чеки сотни и тысячи «союзников». «Пролетариат» освобождается от «крестьянства» и, победоносный, приступает к единоличному царствованию.

При этом большевикам благоприятствовали тысячи обстоятельств, начиная от всеобщего стремления к миру и кончая полной растерянностью среди противостоящих им организаций. И большевики всегда умело пользовались этими обстоятельствами, проявляя изумительную энергию и самую беззастенчивую демагогию.

Итак, в «соответствующий момент» на вопрос: почему бы не осуществить программы максимум? — Ленин забыл Маркса, и ограничился «звонкими, но пустыми анархическими фразами». Он начал осуществлять социализм. На что он надеялся? На подлинный социально-революционный взрыв на Западе, который поможет Востоку. Для этого он создал и выпестовал специальную организацию — Коммунистический Интернационал —, которая тем и занималась, что непрерывно «толкала» Европу на взрыв. Само собой разумеется, что и для этой своей надежды он не оставил в покое тени Маркса.

Накануне буржуазной революции в Германии, т. е. в 1847 году, Маркс на Германию обращал главное свое внимание. «Ибо, — писал он, — она этот переворот совершит при более развитых условиях европейской цивилизации вообще и при гораздо более развитом пролетариате, чем в Англии в XVII, и во Франции в XVIII столетиях; немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом *пролетарской революции**). Другими словами: Маркс рассчитывал, что эхо от событий в Германии вызовет гулкий отклик среди того пролетариата, который, избавленный от пережитков феодализма и крепостничества, сражался с своей буржуазией и добивался там политической власти, чтобы прямо приступить к осуществлению социализма. По Марксу в Германии *заканчивается* долгий процесс общественно-экономических пробразований торжеством буржуазии над монархией. Во Франции и в Англии *начинается* великая схватка пролетариата с буржуазией,

*) См. Коммунистический Манифест.

которая будет тянуться до тех пор, пока последняя не будет поражена. В Германии еще надо было *создавать* общественные и политические условия, которые позволили бы пролетариату после падения реакционных классов тотчас же начать борьбу против буржуазии; во Франции и Англии пролетариат должен был использовать уже *созданные* общественные и политические условия против буржуазии. Во Франции и в Англии пролетариат в *настоящем* должен был делать то, что предстояло делать немецкому пролетариату в более или менее отдаленном *будущем*. И в общем Маркс в этом своем прогнозе не ошибся: революция 1848 года во Франции была грандиозным столкновением французского пролетариата с французской буржуазией, тогда как в Германии она была борьбой между пролетариатом и буржуазией *на одной стороне*, абсолютизмом и поддерживающими его классами *на другой*. С революцией 1848 года во Франции началась эпоха пролетарской революции, которая в Коммуне 1871 года временно получила свое выражение в «диктатуре пролетариата» *), диктатуре, которая не только не устранила демократию, но прочно ее хотела утвердить. Что касается Англии, то Маркс, решительно дополнил свое прежнее воззрение, чтобы не оставалось никаких сомнений будто пути для достижения политической власти повсюду одни и те же: «мы знаем, — заявил он на одном докладе в 1872 г. в Амстердаме, — что надо принимать во внимание учреждения, нравы и обычаи различных мест и мы не отрицаем, что есть страны, как Америка, Англия, — и, если бы я лучше знал ваши учреждения, я, может быть присоединил бы сюда и Голландию —, где рабочие могут достигнуть своей цели мирным путем. Но это имеет место не во всех странах**). Стало быть, в Англии протекал *мирно* тот процесс, который начал протекать во Франции *революционно, т. е., насильственно*. Стало быть, и ход социальной революции не всюду одинаков, в особенности при неслыханном расстройстве мирового экономического организма, произведенного колоссальным военным напряжением.

Надежда на социальную революцию на Западе и на помощь ее Востоку справиться со всеми «невзгодами» социалистического строительства — составил главный стержень *ленинизма*. Она являлась его конечным, логическим выводом. Что такое ленинизм? спрашивает Каменев, уничтожая Троцкого, и отвечает: «ленинизм есть учение о войне пролетариата против буржуазии»***), ленинизм есть «подлинная теория пролетарской революции»†), теория Ленина — это ответ на «вопрос о роли крестьянства в революции, вопрос о путях к социализму в аграрной стране, вопрос о способах и условиях осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим кре-

*) Так назвал Парижскую Коммуну 18 марта 1891 г. Энгельс: «Вы хотите знать, господа, что такое диктатура пролетариата? Посмотрите на парижскую Коммуну. Там была диктатура пролетариата».

***) См. К. Каутский: *Demokratie oder Diktatur*, стр. 10.

***) См. За партию! За ленинизм! «Об уроках Октября». Из-ство «Прибой», стр. 6.

†) Там же, стр. 41.

стьянским населением... какими путями взять и удержать власть в крестьянской стране»†). Не менее определенно выражается другой комментатор творений вдохновенного русского пророка — Г. Зиновьев: «ленинизм — есть марксизм эпохи империалистических войн и мировой революции, непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство»††), Ленин «прокладывал уже тогда дорогу социалистической революции в обстановке, когда буржуазная демократия была еще силой, способной расшатывать царское самодержавие»†††). Но насаждать социализм и удерживать пролетарскую власть в отсталой стране с преобладающим крестьянским населением — это все равно, что пытаться двинуть паровоз по шпалам без рельс. Марксизм таких фокусов не изобретал. Этого не могли отрицать даже большевики. Поэтому они нашли своеобразную «поправку» к марксизму: если марксизм есть научная теория пролетариата в передовых странах, где он преобладает или будет преобладать, то ленинизм проводит марксизм в отсталых странах, причем пока он «удерживает» здесь власть, к нему на помощь спешат и из товарищеской солидарности его поддерживают западно-европейские пролетарии, совершившие у себя настоящий «социальный» переворот.

Ясно, что большевикам поэтому пришлось вдалбливать «истину» о скором пришествии в Россию из заграницы социально-революционного мессии. Прошлое русского революционного движения достаточно, еще со времен Бакунина, подготовило почву для безусловного принятия этой «истины» и загремело грозное: «мы на горе всем буржуям — мировой пожар раздуем». Как из рога изобилия посыпались на Европу «путчи», организованные на средства российских коммунистов. Средств не жалели, ибо введение советской системы на Западе должно было сторицей вознаградить тощую российскую казну. Коммунистическое движение в Европе поддерживается Москвой не только материально, щедрыми субсидиями на «общее братское дело», но и идейно. Москва дает теоретиков коммунизма — Ленина, Зиновьева, Сталина, Каменева, Бухарина, Радека, Троцкого. Европейские коммунисты обнаруживают поразительное теоретическое бесплодие: Кашены, Клэры Цеткины, Шмерали пригодны лишь для повторения задов российских коммунистов. Их мысль закована в броню московской дисциплины. Попытки самостоятельно продумать теорию и практику восточного коммунизма неизменно приводили к тому же, к чему приводили в Московской Руси, в XV столетии, независимые выступления несогласных с официальной верой тогдашней власти: их заточали в монастыри. И европейских большевиков, пытавшихся продемонстрировать «собственные», оригинальные мысли, если и не заточали, — за дальностью расстояния, — в Соловки (это с успехом применяют к домашним социалистам), то без лишних разговоров грубо выбрасывали из коммунистических

†) Там же, стр. 42, 43. Курсив Каменева.

††) Там же, стр. 110. Курсив Зиновьева.

†††) Там же, стр. 110. Курсив Зиновьева.

рядов, клеймя ренегатами и изменниками. Чему и кому? *Москве*, откуда якобы сияет свет коммунизма.

Большевики любили сравнивать свой «оазис» с осажденной крепостью. Пока на них действительно наступали, при поддержке западно-европейских империалистов, остатки российского крепостничества и распутищины, они объективно с грехом пополам оставались еще «носителями» революционных — демократических и буржуазных начал. И им в той или иной степени не могла не сочувствовать западно-европейская демократия, сурово одновременно критикуя их социалистические эксперименты. Им многое прощали: и кровь, и слезы, и захваты (Грузии, Украины). Рассуждали: на войне, как на войне и революция не делается в белоснежных перчатках. Но вот «крепость» освободилась. Рассеялись враги. И обнаружилось, что несчастненькие «осажденные» заготовили большой запас пылающих головней, чтобы взорвать «пороховые погреба» Европы, т. е. в сущности культуру и цивилизацию человечества. Тем самым большевики наглядно доказали всему миру, что они перестали быть революционерами и превратились в преступных поджигателей. Оказывается их террор и захваты, их национализации и социализации не были одним из вынужденных способов самообороны, а продуманной системой экспроприаторского максимализма, ведущей к ломке всех основ, на которых в будущем только и могут быть построены социалистические отношения между избавившимися от эксплуатации людей.

Чем больше большевики занимались опытами с российским народным хозяйством, распластывая, его по обширному ложу социализма, чем больше они раздували мировой «пожар» (социальную революцию), тем холоднее становилась западно-европейская социалистическая демократия к ним, тем сильнее она отгораживалась от большевиков моральным и организационным кордонами. Азбука бухаринского коммунизма абсолютно расходилась с азбукой марксовского социализма и там, где последний видел только *альфу*, ленинцы читали *омега*. И характерно, что на девятом году владычества большевиков, на четырнадцатом съезде российской коммунистической партии, сами поджигатели разбранились между собою по вопросу: что они делают? строят ли социализм или железными щипцами вытаскивают капитализм? Лучшего свидетельства о бедности они не могли себе выдать. И когда неоднократно поражавший демократию зиновьевский бумеранг вернулся вспять, ударил самого Зиновьева по голове и заставил его жалобно напоминать о «правах меньшинства» и о «механическом засилии большинства» то все убедились, что Ленин, некогда следуя за Марксом, был прав: «кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле выводам».

1-го мая 1926 г.

Алекс. Гринин.

Об одном социологическом исследовании национального вопроса.

Статья первая.

Нашему веку не нужно шутовских бубенчиков, приятных заблуждений, ребяческих погремушек, отрадных, утешительных лжей. Если б ложь предстала перед ним в виде юной и прекрасной женщины и с улыбкой манила его в свои роскошные объятия, а истина, в виде страшного остова смерти, летящего на гигантском коне с косой в руках — он отвергся бы с презрением и ненавистью от обольстительного призрака и бросился бы в мертвящие объятия остова... Ему лучше ощутить себя в действительных объятиях страшной смерти духа, чем схватить в свои руки призрака, долженствующий исчезнуть при первом к нему прикосновении.

В. Г. Белинский.

П. Н. Милюков выпустил книгу о национальном вопросе*). Книге предшествовали лекции, читанные на ту же тему в разных местах зарубежья. В Праге состоялись и прения**), в которых участвовали представители разных народностей. Результат прений был признан печальным: русские предложили сговариваться — и встретили категорический отказ***). Зато позиции лектора одобрило и правое крыло русской эмигрантской общественности. Г. Милюкова рассматривали как одного из немногих политических деятелей, «способных и перед иностранцами» поддержать честь русского имени†).

Лекции начинались с откровенного признания: национальный вопрос для русских имеет особенно близкое и больное значение, ибо он застал их неподготовленными к его решению; пробел пополняется в момент, когда «мы» в эмиграции и «являемся» не действующей, а страдающей стороной. Отсюда задача: дать материал к пониманию вопроса и помочь найти уверенное его решение††).

Теперь опубликован систематически подобранный материал, сделана попытка проанализировать понятие национальности и порождаемых ею проблем, и намечены кое-какие выводы. Тем более интересно все это изучить, что автор не раз в прошлом (до эмигра-

*) Библиотека изд-а «Свободная Россия». IV. П. Н. Милюков. Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России), 1925, 192 стр. Цена 10 корон чешских.

**) 17—19 апреля 1924 г. Отчеты об этих лекциях см.: в редактируемой г. Милюковым газете «Последняя Новости», в «Днях», в Руле», в чешской газете «Tribuna» (от 1 мая 1924 г.), в украинской газете «Діло», и в сборнике — «Национальне питання на сході Європи», під редакцією Н. Григоріва, Прага, 1925 р.

***) См. статью Е. Д. Кусковой — «Где Россия?», «Дни» № 446.

†) «Руль» № 1027.

††) «Последняя Новости» № 1229.

ции) касался научно, публицистически и политически (будучи «действующей» стороной*) национального вопроса, а также по его собственному указанию, в течение не одного десятка лет следил за «данными» научного исследования, «могущими бросить свет» на него.

* *
*

Еще до выхода в свет разбираемой книги, внимание г. Милокова обращали на то, что он недостаточно остановился на психологической стороне процесса национальной «апперцепции»**). Г. Милоков отвечал:

«будучи заинтересован преимущественно социологической стороной процесса, я, действительно взял эту сторону, как данное, в ожидании, пока специалисты философы и психологи разработают ее более глубоко» (стр. 10).

Но вот ему, дальше, возражают, что в вопросах антропологических он слишком решительно склонился в сторону новаторов, а в вопросах биологических пошел за неоламаркистами. Это возражение парируется им следующим образом:

«признаю и то и другое — и возвращаю упрек обратно. На примере Топинара читатель увидит в какой степени излишняя преданность научной старине мешает видеть самые очевидные факты».

В одном случае он ждет более глубокой разработки специалистов, в другом — солидаризируется по вопросам, еще не решенным самими специалистами, с определенной школой. Ему кажется, что новаторы и неоламаркисты основываются на «очевидных фактах», но не кажется это многим специалистам, ведущим научный спор с ними. Чем сам г. Милоков подтверждает «очевидность»? Какие опыты он проделал? Какие наблюдения он производил? Какое участие он принимал в научной полемике? Еще научный суд не кончился, а неспециалист в антропологических***) и биологических вопросах уже «решительно» встал на защиту гипотез, еще не доказанных. Ведь почтительно внимающие г. Милокову, с легким сердцем станут «излишне преданными» научной «новизне», от которой, быть может, им не скоро придется освободиться, если окажется, что «новизна» лишь старая погудка на новый лад. Почему, заинтересованный социологической стороной вопросов расы, наследственности и т. п. г. Милоков не взял из антропологии и биологии именно эту сторону, в ожидании, пока специалисты «спорное» разработают более

*) На двух томах изданной им на немецком языке книги: «Russlands Zusammenbruch» напечатано одно единственное звание г. Милокова — «бывший министр иностранных дел».

**) Термин, введенный Отто Бауером.

***) Г. Изгоев считает г. Милокова специалистом по антропологии («Руль» № 1027).

глубоко? Г. Милуков отводит в своей книге этим вопросам несколько десятков страниц, вмешивается в горячую перепалку, происходящую в этих науках между сторонниками различных положений и бросает свой приговор на определенную чашу весов, ибо ему неприятно попадать в положение Топинара, страдающего излишней приверженностью научной старине. Но в чем заключается топинаровское положение?

Французский антрополог, подойдя к расовому признаку — цвету кожи, волос и глаз говорит, что анализ и рассуждение благоприятны трансформистскому тезису: «различные формы окраски рас могут и должны почти исключительно зависеть от внешней среды». Но в то время как новаторы и неоламаркисты учат, что загорение кожи приобретает отдельными индивидуумами и приобретенные ими признаки переходят по наследству, Топинар «впредь до нового распоряжения по науке» находит себя вынужденным считать окраску, в пределах, доступных нашему наблюдению, постоянным признаком расы. Г. Милуков полагает, что «новое распоряжение» по ведомству науки уже вышло:

«Это — учение неоламаркистов... учение Семона... Можно поэтому отказаться теперь от «вынужденного ученого воздержания и уступить «логике...» (стр. 50).

Лично Топинар признает очень многое из указаний неоламаркистов, как указаний, отвечающих «анализу и рассуждению». Но анализу и рассуждению соответствовать может и представление, что земля неподвижна, а солнце вертеться вокруг нее, что животные и растения сотворены раз и навсегда всемогущим Творцом. Наука одним анализом и рассуждениями довольствоваться не может: «очевидность» и здравый смысл ни в чем ее не убеждают. Постороннему человеку легко «уступить» «логике». Для многих специалистов же ни учение неоламаркистов, ни учение преждевременно погибшего Семона, не доказательство неверности старых положений науки. В пределах, доступных нашему наблюдению, мы еще не видели ни одного индивидуума, который бы передал свою окраску, полученную под влиянием внешней среды своему потомству: негры, проживающие в Америке, продолжают своему потомству передавать черную окраску а американские креолы (чистокровные потомки испанцев), несмотря на сильнейшее загорание имеют белых детей. Затем вся теория неоламаркистов еще не признана наукой, не только в своих основах, но даже и в подробностях. И Топинар не берет на себя высокое чувство ответственности за объявление *научным* вывода, правда, основанного на анализе некоторых «фактов», но остающихся еще не достаточно исследованными и проверенными.

«Решительно» г. Милуков склоняется и к «поражительным результатам наблюдений» американского антрополога Франца Боаса, которые «подтверждают» немедленное изменение формы черепа у детей переселенцев в Америку. Специалист же антрополог Эжен Питтар не менее решительно отказывает в доверии Францу Боасу.

Специалисты спорят об окраске, о форме черепов, но социо-

логу важен вопрос: изменяются расы или нет? И тут оказывается, что и Топинар, и новаторы, и дарвинисты, и неоламаркисты одинаково согласны, что расы *изменяются*. Наглядным, «очевидным» доказательством этого существования не одной, а нескольких рас. К расе национальность отношения не имеет. Раса явление антропо и биологическое. Национальность явление социальное. Происхождение рас относится к незапамятным до-историческим временам, происхождение национальности относится (в особенности современных нам национальностей) к последней тысяче лет. Раса — продукт естественных, природных условий, национальность — продукт искусственных, общественных условий. «Чистых» рас нет: на протяжении сотен тысяч лет люди разных рас бесконечно и разнообразно перемешивались. Нет и «чистых» национальностей. К какой национальности принадлежит напр., известный проповедник «Соединенных Штатов Европы» граф Куденгове-Калержи, отец которого — австрийский дипломат, мать — японка, бабушка — гречанка, прабабушка — русская, а сам он чехословацкий подданный!? А таких, как он, в каждой национальности хоть пруд пруди...

Социологу необходимо установить, что человеческий род един. Расы отличаются друг от друга и цветом кожи и волосами и черепами и ступнями ног и передними полушариями головного мозга и т. д. и т. д. Если пойти дальше, то окажется, что каждый нерв, каждый мускул и орган одного человека отличается от нервов, мускулов и органов другого человека. Однако, все расы состоят из одинаковых существ и элементы *разницы* незначительны в сравнении с элементами *тождества* между ними. Кроме того, яростными «расистами», т. е. защитниками теории, будто человеческие племена (расы, национальности) стоят особняком и смешиваться друг с другом не могут, были... американцы, обитатели страны, где перемешивались чуть ли не все нации, расы и характеры. Этой американской причуде, явно противоречившей «очевидности» нашли объяснение: американским рабовладельцам надо было оправдать свои возмутительные насилия над *цветным человеком*. И американское рабовладельчество нашло себе достаточно авторитетных защитников, вроде известного профессора Агассиза.

В Европе приверженцами расовой теории (особенно полно развитой графом Гобино) были также насильники. Но здесь теорию подрумывали и слегка видоизменяли: от неизменности «материи» — переходили к «постоянству» души, которая себя всегда проявляет. Наука очень быстро покончила и с пресловутым «постоянством» души.

И вот г. Милюкову почудилось, что в «стане дарвинистов» возникло «научное затруднение»: якобы с конца восьмидесятых годов прошлого столетия оттуда появилось учение, в котором

«сторонники несменяемости рас и национальностей могли (курсив мой) найти сильную поддержку».

Такая опасная возможность дана учением Августа Вейсмана о наследственности.

Честь этого открытия безусловно принадлежит г. Милокову. Этим открытием он, неспециалист, может, пожалуй, оправдываться, что вмешался в спор антропологов и биологов. Но все таки лучше было бы подождать. Если бы даже нелицеприятная наука начала лить воду на мельницу «расистов», то истина выше всего! В. Г. Белинский давно нас учил: «лучше ощутить себя в действительных объятиях страшной смерти духа, чем схватить призрак»...

Но наш страх (все таки страх!) попасть в объятия смерти духа, немедленно рассеивает г. Милоков. Вслед за приведенными выше словами он продолжает:

«будучи учеником Дарвина, Вейсман, конечно, не только не отрицал изменяемости видов, но напротив, полагал это учение в основу биологической науки».

Слава Богу! Следовательно никакого научного затруднения нет? И можно спокойно продолжать считать, что расы изменяются и тем самым сторонники их несменяемости сильной поддержки у Вейсмана найти не могут? Ведь как раз теория Дарвина нанесла «расистам» смертельный удар. Ведь сам г. Милоков, характеризуя учение одного из столпов идеи неподвижности национальных типов — учение Н. П. Данилевского — удачно подметил, что к этой идее Данилевский пришел от теории *неизменяемости* видов (стр. 140). Но не так спокоен г. Милоков. Он продолжает видеть «научное затруднение». И даже в двух направлениях: в объяснениях Вейсмана *изменения* видов и в его теории *наследственности*.

Но предоставим лучше слово г. Милокову. Вейсман, — пишет он, — вслед за Дарвином

«объяснял всякое изменение вида исключительно дарвинской теорией «естественного подбора» полезных признаков в борьбе за существование, в которой выживают только обладающие этими признаками. Откуда же берется, однако, самая разница между особями, обладающими и не обладающими признаками, которые окажутся полезными в борьбе? По Дарвину — и по Вейсману — разница происходит от сравнительно небольших изменений или случайных вариаций между детьми одних и тех же родителей. Накапливаясь при помощи выживания и размножения одних только наиболее, полезных вариаций, эти *случайные*, в своем происхождении признаки постепенно и дают начало особым видам. Как ни могущественно, однако же, влияние борьбы за существование в природе, одной этой борьбой трудно все объяснить. Как объяснить, например появление таких изменений в организме, которые очевидно, вызваны прямым приспособлением самого организма к среде, в которой он живет, особым образом жизни его, занятиями, упражнением или неупражнением органов? Изменения эти настолько наглядны, что еще в 1809 году, за полвека до книги Дарвина, первый основатель трансформизма, Ламарк, положил именно их, а не естественный подбор, в основу своего учения об изменении видов.

Для большей наглядности вот небольшой отрывок из знаменитой «Философии зоологии» Ламарка, иллюстрирующей происхождение разновидностей у птиц, под влиянием образа жизни и упражнения того или другого органа, выз-

ванного приспособлением к среде. «Птица, которую потребность влечет к воде, чтобы здесь найти себе жизненное пропитание, растопыривает пальцы на ногах, готовясь грести... и образуются широкие перепонки. Наоборот, птица, которую обычный образ жизни приучил располагаться на деревьях... имеет пальцы более длинные... Ее когти удлинились, заострились и загнулись крючком. Береговая птица прилагает все усилия, чтобы вытянуть и удлинить свои ноги, чтобы не погрузиться в ил... Особи данной породы стоят, как бы на ходулях на своих длинных и тонких ногах... Та же птица, желая ловить рыбу, не замачивая тела, должна делать постоянные усилия удлинить свою шею... При усилении вытянуть язык, получается длинный язык (у зеленого дятла)... Всякое изменение органа, обусловленное достаточно привычным употреблением данного органа, наследуются юным поколением». (Стр. 37, 38, 39).

Тут не только «ляпсусы» о Ламарке, которой «не положил» в основу своего учения «естественный подбор», хотя теория «естественного подбора» была развита и обоснована Дарвиным и Уэльсом лишь через пятьдесят лет *после* Ламарка. Тут «научное затруднение» предлог, чтобы откровенно атаковать Дарвина. И атаковать не положения, которые требуют критики и более глубокого исследования.

В чем отличие Дарвина от Ламарка? Ламарк пытался объяснить изменения органов путем *упражнений* (придавая им первостепенное значение) и передачи приобретенных изменений *только у животных*... Но кроме Фауны есть еще Флора. Попробуйте приложить его учение к растениям. Какие они упражнения производили, чтобы у них развились те или другие органы? Птица «готовится» грести; она — такая чистюха! — боится замарать свои перышки и делает «постоянные усилия». Чего «боится» растение? Почему, например, у этого вот растения развивается цветок? Ламарк на это ответить не мог. Он подарил миру философию *зоологии*; о философии *ботаники* он молчал. Но и среди животных он мог выбрать лишь несколько экземпляров. И у этих ограниченных экземпляров он с грехом пополам объяснял один, два, три органа. Его зеленый дятел приобретает себе язык почти так же, вероятно, как некоторые люди. А как дятел приобрел себе свою *зеленую* окраску? Какие органы он привычно «упражнял?» И почему существуют *черные* и *пестрые* дятлы? Дальше. Почему одну птицу «влечет» к воде, другую притягивает к себе дерево, третью — скала, четвертую — полярный круг, пятую — песок пустыни? Откуда у лопатчатой утки появился клюв, почти исключительно приспособленный к процеживанию воды? Утка едва-ли могла употребить какую либо часть своего клюва, исключая искривленного кончика, на упражнения, а ее верхняя челюсть с каждой стороны снабжена гребенкой из 188 тонких, упругих пластинок. Почему насекомые часто ходят на разные предметы — на зеленые или увядшие листья, на сухие ветки, куски лишайников, цветки, шипы, испражнения птиц, а также ходят на других насекомых? Что они упражняют?

Что касается передачи по наследству приобретенных изменений,

то Дарвин выставил против Ламарка убийственный довод. Известно, что у муравьев есть плодовые самки и самцы и бесполое (с недоразвитыми половыми органами) *муравьи*. Бесполое — «рабочие» — отличаются не только от самцов и самок, но и друг от друга, иногда почти до невероятной степени, подразделяясь на две и три «касты». Кто же делает у муравьев «ламарковские» упражнения и кто передает по наследству отличия рабочих-муравьев (видоизменения строений и инстинкты), если они сами *абсолютно не плодовые*?

Заслуга Ламарка, что он первый допустил возможность перемен в органическом мире, как следствие закона, а не чудесного вмешательства, и предположил, что все виды, включая и человека, произошли от других видов. Но он изменил допущенной им самой возможности мыслью, что у животного существует *прирожденная тенденция к развитию*. Он выставил закон «прогрессивного развития»: все формы жизни стремятся прогрессировать. Если все формы жизни стремятся прогрессировать, то почему до сих пор существуют *простейшие* организмы? Они «очевидно» давным давно должны были бы исчезнуть. Ламарк и стал уверять, что такие формы жизни зарождаются теперь *самопроизвольно*. Чем это «самопроизвольное» лучше чудесной силы? Не «толкования» его сильно отстали от науки, как думает г. Милюков, а предложенный им закон прогрессивного развития был в корне неверен и ненаучен, и портил самые справедливые его толкования.

Органический — значит состоящий из органов, а орган значит *орудие*, которое помогает получать от окружающей природы все, необходимое для существования. Как понять образование изумительных по своей приспособленности органов у видов без вмешательства чудесной силы или разумной воли, или самопроизвольно? Дарвин и нашел в природе условия, совершенно естественно толкующие организм к совершенствованию и к образованию новых органов. Эти условия — перенаселение, изменчивость и наследственность. Логический результат этих трех факторов Дарвин назвал *естественным отбором*. Дорогой приз на жизнь получает тот, у кого малейшие изменения как во внешних, так и во внутренних органах спасают его от грозной природы, благоприятствуют его сохранению. Новые признаки у видов *случайны*, но Дарвин этому понятию придает совсем иной смысл, чем г. Милюков. Он поясняет, что выражение «случайно» — *неправильное* и произносится им как *откровенное признание нашего незнания причины каждого частного изменения*. Причины чрезвычайно разнообразны и тут влияют все условия, среди которых находится организм: физическая среда, (климат, почва и т. п.), питание, упражнение и неупражнение органов и тысячи всяких других обстоятельств. При обсуждении вопроса об эволюции видов нельзя придавать одному явлению (например «упражнению») преобладающее значение, а надо считаться со всеми явлениями. Естественный отбор действует порой в течение целых геологических периодов. Понятно, что людям, привыкшим исчислять время «по своим глазам» теория Дарвина не нравится.

Вопрос г. Милюкова: как объяснить появление таких изменений

в организме, которые «очевидно» вызваны прямым приспособлением самого организма к среде и т. д. совершенно праздный. Дарвин на него ответил. Все его «Происхождение видов» неисчислимым количеством примеров отвечает на этот вопрос. То ценное, что сказал Ламарк было Дарвиным принято и, главное, очищено от преувеличений, от поспешных обобщений и от метафизики «вольной» и «невольной».

Вторая атака предпринимается г. Милюковым на вейсмановскую гипотезу о наследственности.

Пусть снова говорит г. Милюков.

«Почему же Вейсман и его школа никак не хотели допустить возможности того, чтобы приобретенные при жизни особенности — переходили по наследству? Это объясняется вейсмановской теорией наследственности. По этой теории — в ее первоначальном виде — семя, в котором передаются особенности рода из поколения в поколение (т. е. из семени человека воспроизводится человек, из семени дуба воспроизводится именно дуб и т. д.), это семя содержится не во всех, а только в *особых* клетках организма. Все остальные клетки уже при первоначальном делении яйца предназначаются не для сохранения семени, а для воспроизведения тела («сома» по гречески, отсюда и название всех не семенных клеток — «соматическими»). Вместе с телом эти клетки растут и умирают. Но «семенная плазма» — *бессмертна*. Частицы семенной плазмы в неизменном виде поступают прямо из организма родителей в организмы детей, там забронировываются от внешних влияний и от них передаются в таком же неизменном виде следующим поколениям через особые семенные клетки, выделенные при самом начале развития молодого организма. Во всей последующей жизни тела «семенная плазма» не участвует; поэтому и приобретаемые при жизни навыки не попадая в семенную плазму, унаследованию не подлежат. Такое учение, как нельзя лучше соответствовало учению о неизменяемой и передаваемой по наследству — с семенем — «душе предков». (Стр. 40, 41).

Однако же опыты неоламаркистов были настолько доказательны, что Вейсману пришлось ввести в свою теорию целый ряд самых существенных поправок — и тем очень приблизить ее к неоламаркизму. Так как нельзя было отрицать основного ламарковского положения, что упражнение органа развивает его — и что продукты развития передаются потомству, тогда как неупражнение атрофируют его... то Вейсману пришлось для объяснения придумать новую теорию (точнее приложить теорию Roux). Борьба за существование, стал утверждать он, происходит не только между целыми организмами, но уже между самими клеточками *внутри* одного организма. Далее неоламаркисты доказали, что некоторые растения и низшие животные могут воспроизводить из любого кусочка *весь* организм со всеми его органами. Стало быть семенная (или зародышевая) плазма находится *не только* в особых половых клеточках... а и во всем теле — в так называемых «соматических» клетках... Возможна, следовательно, в несравненно большей степени и наследственная передача навыков, приобретенных при жизни *соматическими* клеточками. Так рушится теория о вечной «зародышевой плазме», неизменно переходящей, как священный огонь, из поколения в поколение. Она уступает место более сложной теории — о тех

условиях, при которых опыт жизни может быть передан последующим поколениям. Вместе с этим открывается возможность постепенного приспособления организма к среде уже не в порядке *случайности*, как это мыслилось при «естественном подборе», неумолимо устранявшем из жизни неприспособленных, — а в порядке *активного* реагирования самого организма на требования, предъявляемые средой. При таком толковании, очевидно, надо искать в *самом* организме какого-то движущего, активного начала его собственного развития, — начала, которое постепенно освобождает организм, поднимая его над слепой игрой слепых сил природы и давая ему значение самостоятельного фактора». (Стр. 41, 42).

На этих рассуждениях г. Милюкова нам придется остановиться подробнее.

Что такое наследственность? Это — способность организмов передавать свои свойства и особенности своим потомкам. Отрицает Дарвин эту способность организмов? Нисколько. Наследственность у него играет весьма важную роль. Мы знаем, что дети похожи и непохожи на своих родителей, на своих предков. Что же передается? Как происходит процесс передачи? Где искать *механизм* передачи? Вот вопросы, которые стояли и продолжают стоять перед исследователями.

Удовлетворительной научной *теории* наследственности еще нет. Есть целый ряд *гипотез*: Дарвина, Негели, де-Фриса, Гааке, Эмери, Вейсмана, Семона и многих других естествоиспытателей. Если Дарвин видел основной стимул к развитию во внешних условиях, то другие искали главный импульс в самих организмах, развивающихся под влиянием внутреннего побуждения, причем внешние влияния по мнению последних вызывают лишь *приспособления*. Само собой ясно, что свойства и особенности организма передаются по наследству *половыми* клетками. Но какая часть клетки носительница наследственных признаков? Мужская или женская протоплазма? Количество мужской и женской протоплазмы неравно: по объему мужской живчик в несколько миллионов раз меньше женского яйца. Зато равны величины мужского и женского ядра, равны в ядре количества хроматинных и постоянно число хромозомов. Вейсман вывел, что наследственные функции сосредоточены в *ядре* и именно в его хроматине. Испытывает это ядерное вещество коренные изменения? Вейсман утверждает: нет, не испытывает. Некоторое постоянство молекулярного строения ядерного вещества есть необходимое условие *постоянства* наследственной формы. Вот почему от человека рождается человек, а не ящерица, от дуба — дуб, а не нос алжирского бея.

Вейсмановская гипотеза *сравнительно* дала более или менее удовлетворительное объяснение механизма передачи наследственных свойств и особенностей организма. Его «некоторое постоянство» молекулярного строения ядерного вещества и есть та внутренняя «забронированность», о которой не в попад говорит г. Милюков. Не Вейсман заявил, что «семенная плазма» бессмертна, по крайней мере так, как понимает эту «бессмертность» г. Милюков. *Гальтон*

впервые предположил, что половые клетки, которые, *развиваясь*, дают организм, *плюс* половые клетки нового поколения, вновь дающие организм, *плюс* половые клетки следующего поколения и т. д. являются *как бы* бессмертной нитью, связывающей ряды смертных поколений. Вот и весь «священный огонь». Благодаря «постоянству» на свет появляются представители одного и того же рода.

Можно из этой гипотезы вывести учение о «душе предков?» Насколько нам известно еще никто из «расистов» не опирался на Вейсмана. Но, конечно, те, кто беззаботно обращаются с научными гипотезами для своих тенденциозных стремлений, могут «вывести» что угодно. Точно также, на основании установленного наблюдателями присутствия у муравьев так называемого «рабовладельческого» инстинкта, можно доказывать законность и естественность рабовладения в человеческом обществе. Точно также на основании «экономического материализма» можно, — совсем как конторщик в рассказе Николая Успенского «Гулянье», — на вопрос «что у человека внутри есть?» — отвечать:

— Внутри-с бывает различно. Это смотря потому, кто чем питается: иной продовольствуется мякиной, так у него внутри мякина. А у одного сапожника говорят, даже нашли, при вскрытии, подошву с лучиной....

Г. Милюков решительно склоняется к гипотезе о наследственности благодаря бессознательной памяти и привычке живого вещества, развитой вслед за Геккелем и Герингом *Семоном*. Для последнего наследственность есть «специфическая *память рода*». Под этим разумеется «тождественность различных способностей воспроизведения». Здесь то мы и найдем то «движущее, активное, начало» развития организма, которое нам раньше предложил искать г. Милюков. И действительно, по г. Милюкову «начало» представляется так:

«Не только после долгих лет и многих поколений организм приспособляется к среде. После *каждого* испытанного воздействия извне, он уже не остается неизменным. Даже на камне остается след от удара. Тем более остается след в живом веществе от внешнего воздействия. А в высших организмах, обладающих специальным органом чувствительности — нервной системой — этот след получает законченную форму, форму, позволяющую организму реагировать активно уже на следующее испытанное ощущение одинакового рода с первым. В живых существах, обладающих доступной нашему наблюдению психикой, это явление называется *памятью*. Но это понятие «памяти» новейшие исследователи распространили не только на мир живых существ, а и на весь мир сущего. Они следовали при этом общему стремлению современной науки заменить субъективный, внутренний человеческий анализ — объективным наблюдением внешних признаков». (Стр. 42, 43).

Верно, наука стремится субъективный, человеческий анализ заменить объективным наблюдением «внешних признаков» (правильнее было бы сказать: внешних воздействий). Испытав раздражение, организм *объективно* реагирует на него физико-химическим изменением. Последствия раздражения Семон называет *энграммой* (за-

писью). «Вызывание» записей Семон называет другим греческим словом *экфорией*. Он уверяет, что «записи» передаются по наследству. Так, с «экфорией унаследованной энграммы» мы имеем дело, когда (в индивидуальном опыте) произносятся стихи или разыгрывая музыкальную пьеску, мы начинаем, если нас случайно прервут, сначала. Так (в опыте унаследованном) возвращается к началу плетения кокона гусеница, прерванная на одной из непройденных ею стадий плетения. Сюда же Семон (и г. Милуков) относят и «унаследованный факт» — смены деревьями листьев и распускание почек в разные времена года, и сокращенное повторение в развитии каждого отдельного зародыша «всех тех степеней, которые пройдены на неизмеримом протяжении времени вековым развитием целого рода». Все это — «память рода», «тождественность различных способностей воспроизведения». Все это распространяется на «весь мир сущего». Но как раз это распространение и является характерным уклоном от научного объективизма в сторону человеческого субъективизма. Если тут действует «память», то даже у человека психология не нашла твердых основ для безошибочного суждения о причинах активного реагирования на следующее испытанное ощущение одинакового рода с первым. Что же сказать о деревьях? Для ненаучных толкований открывается широкий простор. Необыкновенно расплодятся любители «очевидности», причем одному будет «очевидно», что напр. данный цветок дрожит от ветра, а другому — не менее «очевидно», что он дрожит от холода. Биолог, оперирующий с «памятью рода» и распространяющий его на все сущее, призывает на помощь себе психологию. На помощь себе звали психологию и некоторые физиологи, изучая влияние внешней среды на закономерные изменения живого вещества и получили за этот призыв суровую отповедь со стороны профессора И. П. Павлова*).

*) Вот эта отповедь в знаменитой речи «о Естествознании и мозге»: «Когда физиолог имеет дело с основными функциями нервной системы, с процессом нервного раздражения и проведения — пусть эти явления до сих пор продолжают быть темными в их природе — физиолог остается естествоиспытателем, исследуя последовательно разнообразные внешние влияния на эти общие нервные процессы. Больше того. Когда физиолог занимается низшим отделом центральной нервной системы — спинным мозгом, — когда он исследует, как организм через посредство этого отдела отвечает на те или другие влияния, т. е. изучает закономерные изменения живого вещества под влиянием тех или других внешних агентов, он остается все тем же естествоиспытателем. Эту закономерную реакцию животного организма на внешний мир, осуществляющуюся при посредстве низшего отдела центральной нервной системы — физиолог зовет рефлексом. Этот рефлекс, как и надо ожидать с естественно-научной точки зрения, строго специфичен: известное внешнее явление обуславливает только определенные изменения в организме.

Но вот физиолог поднимается до высших отделов центральной нервной системы и характер его деятельности сразу и резко меняется. Он перестает сосредоточивать внимание на связи внешних явлений с реакциями на них животного и, вместо этих фактических отношений, начинает строить догадки о внутренних состояниях животных по образцу своих субъективных состояний. До тех пор он пользовался общими естественно-научными понятиями. Теперь же он обратился к совершенно чуждым ему понятиям к психологическим понятиям. Короче: он перескочил из про-

Семоно-милюковское «активное» начало, постепенно «освобождающее» организм, «подымая его над слепой игрой слепых сил природы и давая ему значение самостоятельного фактора» ничто иное как знакомый уже нам ламарковский закон «прогрессивного развития». Этот закон снова толкает науку плыть по натурфилософскому морю безбрежному. Несомненно, небольшая примесь соображения или рассудка имеется даже у животных, стоящих на низкой ступени развития. У человека рассудок или страсть вырабатывают волю, позволяющую ему, на основании *опыта* подниматься над слепой игрой слепых сил. Очень спорно, что нечто подобное, даже в минимальной степени, имеется у животных, и совсем спорно, что оно имеется у всего мира сущего. Ведь опыт — это есть *исследование* внешнего и внутреннего мира. Человеческое *познание* начинается с опыта. Его познавательные способности возбуждаются к деятельности предметами воздействующими на внешние чувства, а затем уже, после достаточной подготовки, на человека влияет и внутренний его мир. Испытывая влияние внешнего или внутреннего мира, человек познает *необходимость* совершающегося, ставит себе сознательно определенные цели и стремится их достигнуть. Этим определяется у человека новый фактор, *свобода* — помогающий ему противодействовать слепой необходимости. Распространить «волю» на все видимое, значит заниматься по примеру Маха и русского эмпириомониста А. А. Богданова «подстановкой» *человеческого* опыта для легчайшего понимания естественного процесса. И недаром г. Милюков, объясняя, что вид человека, нагибающегося поднять камень производит у собаки «Экфорию энграммы» (вызывание записи) боли, причиненной ей когда то брошенным камнем, немедленно добавляет:

«субъективно о сохранении записей свидетельствует вся наша (курсив мой) — психология ассоциаций. Объективно, существование «энграмм» в нашем организме доказывается тем, что при повторении раздражения, однородного с прежним, ответ организма усиливается и ускоряется».

Наша, т. е. человеческая. По аналогии с человеком энграммы и эк-

тяженного мира в непротяженный. Шаг, очевидно, чрезвычайной важности. Чем вызван он? Какие глубокие основания побудили к нему физиолога? Какая борьба мнений предшествовала ему? На все эти вопросы приходится дать совершенно неожиданный ответ: перед этим чрезвычайным шагом в научном мире решительно ничего не происходило. Естественное в лице физиолога, изучавшего высшие отделы центрально-нервной системы можно сказать, бессознательно, незаметно для себя, подчинилось ходячей манере думать о сложной деятельности животных по сравнению с собой, принимая для их действия те же внутренние причины, которые мы чувствуем и признаем в себе. Итак, физиолог, в данном пункте, оставил твердую естественно-научную позицию. И что он приобрел вместо нее? Он взял понятия из того отдела человеческого умственного интереса, который, несмотря на свою наибольшую давность, по заявлению самих его деятелей, не получил еще права называться наукой. Психология, как познание внутреннего мира человека, до сих пор сама ищет свои истинные методы. А физиолог взял на себя неблагодарную задачу гадать о внутреннем мире животных... Психология, в качестве союзницы не оправдала себя перед физиологией».

фории распространяются на остальной мир, вплоть до гусениц и деревьев. Из протяженного мира перескакивают легко и просто в непротяженный.

Дарвину были известны те явления, которые Семон (и г. Милоков) называют «унаследованным опытом». Что тут действует? Инстинкт. Инстинкт же есть действие, требующее от нас самих *опытности*, выполняемое одним или многими животными особями одинаковым образом *без всякого опыта*, без того, чтобы эти особи *знали*, с какою целью они что либо выполняют. Для инстинктов одно действие следует за другим, как бы по известному ритму. Поэтому прерванный декламатор или певец оказывается вынужденным вернуться назад, чтобы восстановить обычное течение мыслей. Подобное явление наблюдал П. Губер у гусеницы, сооружающую сложную «койку». Если Губер брал гусеницу из койки, скажем шестой и переносил ее в койку третьей стадии, то она сооружала вновь четвертую, пятую и шестую стадии. Если же он брал гусеницу из третьей и клал в шестую стадию, то она вновь начинала с третьей стадии, т. е. пыталась закончить уже оконченную работу. Инстинкты меняются и естественный подбор сохранял и беспрестанно накапливал их изменения до любого размера, пока это выгодно. Таким образом полагает Дарвин произошли все наиболее сложные и чудесные инстинкты.

Для семоновской «памяти рода» как будто неопровержим факт, «капитальнейший факт», сокращенного повторения в развитии каждого зародыша всех пройденных ступеней. Но этот факт прежде всего «очевидное» доказательство происхождения видов эволюционным путем, от простейших к сложнейшим. Затем этот факт — сильнейший довод за вейсмановское «постоянство» молекулярного строения ядерного вещества, которое что то сохраняет, чтобы новые половые клетки снова и снова пробегали весь цикл развития.

И тот же Семон прекрасно учитывает основательность гипотезы Вейсмана, ибо свое учение он старается соединить как раз с этой гипотезой.

И Но главная суть спора между нерламаркистами и дарвинистами это вопрос: передаются ли по наследству признаки, проявившиеся в организме под внешним давлением или не передаются? Ламарк, Семон и г. Милоков категорически утверждают, что передаются. Вейсман это отрицает. Тысячелетия самки многих животных лишаются девственной плевы, однако их потомство продолжает рождаться с нею. Вейсман, в условиях строжайшего эксперимента, резал хвосты крысам — и все таки крысы рождались с хвостами. Неоламаркисты (в том числе и г. Милоков) торжественно указывают на опыты Камерера с амфибиями, которые будто бы свидетельствуют обратное. Но все эти опыты нисколько не поколебали — по мнению многих других биологов — основных положений Вейсмана. Если есть наследование функциональных признаков, то только в пределах *перенесения проявления* того или другого признака *во времени*, или же проявление *скрытых* зачатков. Вейсман признает возникновение новых особенностей, но считает, что они возникают при оплодотво-

рени, при слиянии двух зародышевых плазм: при этом происходит, если можно так выразиться, *перетасовка* молекул в строении ядерного вещества. Если некоторые внешние влияния передаются по наследству, то и сами «неоламаркисты» вынуждены согласиться, что они передаются, когда влияют и на «соматические» и на половые клетки.

В биологии идет борьба мнений, лихорадочно производятся опыты (но именно эта лихорадочность и подрывает веру в результаты опытов и исследований. Опыт произведенный наспех, в искусственной обстановке нередко опровергается данными естественной среды. «Францы Боасы» кроме того спешат с опубликованием своих «поражительных» исследований, чтобы их не опередили и не захватили место «гениев») над всем замахиваются вопросительным знаком, но отсюда еще далеко до утверждений, которые, уступая «логике» делает г. Милоков. Вместо «устранения» «научного затруднения» г. Милоков напал на дарвинизм. Ему казалось, что он идет в ногу с веком, не боясь рутины, а между тем он нагромоздил одно научное затруднение за другим. С гораздо большим основанием Вейсман мог бы «возвратить упрек» г. Милокову обратно и показать, что превозносимая нашим автором «теория» — идеалистическая и недоказательная — скорее всего могла бы оказать услугу сторонникам неизменяемости рас и национальностей, ибо в каждом индивидууме твердо хранится память его рода, а тем самым и его расы, и его национальности.

Для чего все это ему понадобилось?

Г. Милоков уверяет, что вывод из изложенных им учений особенно важен потому, что между противоположными идеями неизменяемости и полного отрыва от прошлого, они вводят среднее понятие о *пластичности организма*. Как мы видели ни дарвинизм, ни «вейсманизм» не повинны ни в идее неизменяемости, ни в идее полного отрыва от прошлого. Все это «почудилось» г. Милокову. Но с физического он это понятие переносит на социальный организм и оптимистически рассчитывает, что в *социальной памяти*, как и в индивидуальной — «Энграммы» крепнут и усиливаются по мере повторения и закрепляются наследственно. Он находит, что приспособление к среде совершается более гибко и непосредственно по принципам «неоламаркизма», хотя в утешение Дарвину и Вейсману как то нехотя в скобках соглашается, что «подбор», конечно, все же остается при этом «могущественным фактором». Другими словами, г. Милоков снова повторяет старую попытку соединить материализм с идеализмом, духовное «начало» «освобождающее» организм с закономерным, ни от каких «начал» независимым естественным отбором.

Перейдя к вопросам изменчивости признаков национальности, мы узнаем от г. Милокова, что тут мы попадаем «в совершенно другую область явлений». Оказывается: специфические признаки национальности «по наследству не передаются», «и в этом их существенное отличие от расовых и вообще физических признаков», что

все они «условны», и ни один из них, взятый отдельно, не необходим, чтобы «охарактеризовать определенную национальность».

Какие же это признаки национальности, которые не передаются по наследству?

Вот какие:

«как трудно говорить о наследственной передаче национальных признаков, можно уже судить по тем из них, которые касаются искусственных изменений форм тела — изменений свойственных некоторым национальностям. Китайские женщины в течение многих поколений уродуют свои ноги, евреи совершают обрезание, некоторые дикари (и древние народы) деформируют черепа, протыкают уши и губы для ношений украшения, современные модницы уродуют грудную клетку корсетом. И однако же дети их рождаются с неповрежденными членами». (Стр. 56).

Каким образом все эти новости согласовать с прежним заявлением г. Милюкова, что

«не только после долгих лет и многих поколений организм приспособляется к среде. После каждого испытанного воздействия извне, он уже не остается неизменным. Даже на камне остается след от удара. Тем более остается след в живом веществе от внешнего воздействия». (Стр. 42).

а «неоламаркситы» как раз и

...«обратили все внимание ...на унаследование приобретенных при жизни особенностей». (Стр. 39, 40).

Г. Милюков же ревностный «неоламаркист» и вдруг, такое отступление к Вейсману! Люди столетиями калечат себя и никакой «Энграммы» по наследству! Почему махинации многих поколений китаянок со своими ногами не передается их потомству, хотя бы женскому? Ведь и камень сохраняет следы удара! А высшие организмы тем более!..

Из противоречия с самим собой и с Семоном, г. Милюков выбирается заявлением, что специфические признаки национальности создаются «не влиянием среды, а влиянием людей друг на друга».

Влияние людей друг на друга значит, что они вступают друг с другом во взаимодействие. Это взаимодействие и создает общество, общественные, или иначе, социальные, отношения. Эти отношения и изучает социология. Но природа этих отношений, как нам кажется, не имеет ничего общего с теми отношениями, в которые становится китаянка к своей собственной ноге, заключая ее в колодку, или дикарь — к своей собственной губе, протыкая ее для изящного двухфунтового железного кольца. Тут скорее «хирургия», чем «социология». И если собакам резать хвосты — это будет по «неоламаркистски» (и по г. Милюкову) «физическим признаком», а если дикаренку деформируют башку, то это будет явлением социальным. Почему в одном случае дается привилегия быть закрепленным в потомстве, а в другом — остаться без всяких последствий — остается тайной изобретателя. Оттого, что *обычай* у дикарей деформи-

ровать головы своих ребятишек есть явление социальное, нельзя же физическое уродство подводить под влияние «людей друг на друга».

Перейдя в социологию г. Милуков не прилагает (с оговоркой «пока») теории «мнемы» «энграм» и «экфорий» даже к «накопляющемуся опыту» людских поколений и предпочитает объяснить передачу опыта «воспитанием». Таким образом все его экскурсии в область спорных вопросов антропологии и биологии «пока» были для социологии напрасны, ненужны и бесплодны.

* * *

Свои социологические исследования г. Милуков начинает с одной жалобы. Жалобы на индифферентное отношение социологии к национальности, которую эта наука «специально» не изучает. За отсутствием такого изучения, жалуется г. Милуков, национальность и национальные вопросы

«сделались достоянием группы исследователей и публицистов, преследующих отнюдь не цели научного объяснения» (стр. 9)

Кто эти исследователи и публицисты и какие они цели преследуют, к сожалению, не упоминается.

С легкой руки Отто Бауера, стыдившего «науку» за предоставление «нации» лирикам, фельетонистам и ораторам народных и парламентских собраний, начали упрекать социологию в невнимании к национальности, хотя она, затрагивая процесс происхождения человеческого общества, затрагивала и национальность. Об этих заслугах социологии в свое время кратко поведал и г. Милуков*).

Но с тех пор прошло свыше четверти века и накопилось так много данных, что не мешало бы социологии выделить особый подотдел — *националогию* — которая бы и занялась «специально» на-

*) «Национальность есть понятие не естественно-историческое и не антропогеографическое — а чисто социологическое». При недостатке научных сведений могли создаваться о национальности «довольно распространенные мнения», но эти мнения можно было защищать, однако лишь до тех пор, пока не существовало науки «социологии» и пока наши сведения об истории народов «ограничивались пределами исторически известного, т. е. самого короткого периода истории человечества»; чем более наука углубляется в доисторическую тьму, тем яснее становится, что, в сущности, современная национальность есть самый «поздний из продуктов исторической жизни: и то, что говорит об этом современная антропология и доисторическая археология, сполна подтверждается выводами современных социологов». При перечислении литературы, г. Милуков отмечал, что вопрос об отношении национальности и расы все еще чаще обсуждается — «в различных социологических трактатах»; социологическое учение об эволюции общественного сознания с «различением в этой эволюции эпохи образования национальности... обстоятельно развито... по следам Конта и Спенсера—Беджготом, а отсюда оно перешло к Гиддингсу. От последних и взято г. Милуковым все абстрактное описание в «Очерках по истории русской культуры» происхождения и роста национального самосознания. См. Очерки, СПб. 1903 г. часть третья, выпуск первый, стр. 3, 5, 10. И в только что изданной книге, как и для Очерков, г. Милуков пользовался преимущественно положениями Беджгота и Гиддингса.

циональностью и порождаемыми ею вопросами. Об этом слышались и слышатся голоса и в этом смысле мы присоединяемся к пожеланию почтенного автора.

Это настоятельно необходимо еще и потому, что народились «социологи» не отводящие национальности вообще особого места на том убедительном основании, что

«национальность есть такая же сборная группа для социологов, какой является группа растений, объединяемых одним термином «овощи» — в ботанике; группа животных, обозначаемых в общежитии термином «дичь» — в зоологии; «бутерброд», как химический элемент — химии».

Так отважно думает г. Питирим Сорокин. Г. Милоков по поводу этой неуклюжей социологической «дичи» отечески замечает:

«здесь русский социолог, очевидно, увлекся и пошел слишком далеко, отвергая факт, вместо того, чтобы объяснить его».

и затем, на протяжении целой страницы хорошо и умно доказывает г. Сорокину «очевидное» существование национальности.

Но почему другие, менее самоуверенные, чем г. Сорокин*), социологи, сравнительно равнодушны к вопросам национальности. На этом пункте г. Милоков совсем не останавливается. А между тем обнаружить причину некоторого халатного отношения социологии к проблеме национальности очень и очень не мешает.

В теории социология, как и всякая другая наука, стремится к «научному объяснению», т. е. к беспристрастному выяснению происхождения и развития определенного социального явления и к не менее беспристрастному толкованию его. Но счастьем «беспристрастия» пока что обладают, и то лишь в скромных размерах, одни естественные науки. У них можно встретить некоторое количество истин, допускающих *одно* толкование. И все-таки давно признано: если бы математические истины затрагивали чьи бы то ни было интересы, — оспаривали бы правильность и математических аксиом. В общественных же науках затрагиваются самые жгучие интересы определенных классов и по поводу всякой истины, открываемой одним ученым обществоведом, возникает целый ряд сомнений у других. Чаще всего ученые исследователи «научно» отстаивают официальный взгляд господствующих классов на социальные явления вообще и на национальность в частности. И это с грустью неоднократно констатировали наиболее добросовестные люди науки**).

Но жажда к «правде» велика. И можно ли удивляться тому обстоятельству, что, например, вопросы национальности обсуждаются

*) Г. Милоков неправильно зачисляет г. Сорокина в «объективисты». Г. Сорокин как то ухитряется объединять и субъективизм и объективизм в социологии и по существу является большим путанником-эклектиком.

***) Когда то г. Дионео ознакомил русскую публику с работой д-ра Скольса об избранных и отверженных расах. Он привел характерное обвинение Скольса против науки и религии. Англичанин обвинял их в страхе перед правдою: «в зависимости от политических взглядов правда либо утаивается, либо высказывается наполовину».

публицистами и исследователями, не имеющими чести принадлежать к признанной касте жрецов науки. Как обсуждают они эти вопросы? Возьмем знаменитые четырнадцать пунктов Вильсона. Г. Милуков признает, что американскому президенту оставалось

«лишь формулировать то, что уже вошло в сознание общественного мнения, как результат признанного за народами в теории «права на самоопределение» (стр. 103).

Кто же подготовлял это общественное сознание? Кто повлиял на версальский договор так, что, по, новому свидетельству г. Милукова,

«много запутанных и казавшихся неразрешимыми национальных конфликтов центральной, южной и восточной Европы получили здесь радикальное разрешение или приблизились к таковому».

Между прочим и *интеллигенты*, как «стран освобожденных так и стран освободительниц».

«Прочтите, — советует г. Милуков, — ряд сочинений, написанных интеллигентами союзных стран, в первые годы войны о желательных границах национальностей в послевоенной Европе. Вы увидите, как национальные вопросы поставлены в них отчетливо, ясно и близко к действительным решениям международного ареопага».

Он рекомендует, в числе других источников, ознакомиться со сборником «The war and demography», не отмечая в каком духе писали свои статьи его авторы. А это очень любопытно, ибо составители его, представители британской интеллигенции, настаивали на перекройке карты Европы и создании новых государств на *национальной основе*, не считаясь с эгоистическими аппетитами ни господствовавших наций, ни угнетенных национальностей. «Коварные мореплаватели» жаждут торжества демократии, а вот г. Милуков, представитель русской интеллигенции, человек науки, столь заинтересованный в «научных объяснениях», будущий вождь «республиканско-демократического объединения» жаждет в статье, напечатанной в вышедшем во время войны в России сборнике — *захвата чужих территорий*. Он жаждет присоединить Галицию и угорскую Русь, «воссоединить воедино Польшу... под скипетром царя», создать в восточной Пруссии «новую остзейскую губернию», использовать открывающуюся «возможность приобретений» и «со стороны Закавказья»... Он жаждет окончательно разрешить «вековые задачи нашей ближневосточной политики», причем целью ее

«должно быть сделано приобретение Босфора и Дарданелл в полное обладание России вместе с Константинополем и достаточную часть прилегающих берегов, чтобы обеспечить защиту проливов»^{*)}.

^{*)} См. «Чего ждет Россия от войны» сборник статей. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова, стр. 49, 50, 57, 61, 62.

Да, несомненно: очень прискорбно, что социология специально не занимается вопросами национальности, ибо эти вопросы становятся достоянием исследователей и публицистов (а также политиков) особого сорта, которые, часто пользуясь своим официальным научным званием преследуют отнюдь не цели научного объяснения. С их социологической «наукой» мы познакомимся во второй статье.

Н. Галаган.

Украинское крестьянство и большевики.

Влияние московско-большевицкой идеологии на международные рабочие массы с течением времени все более ослабевает. Для подобного утверждения надо принять во внимание тенденции пролетарских организаций *в целом*, а не в отдельных странах или в части той или иной страны. Дух и идеология, которыми одухотворены международные политические и профессиональные организации пролетариата, объединяющие десятки миллионов рабочих, явно не соответствует стремлениям и замыслам Коминтерна и Профинтерна.

Нельзя отрицать, что в некоторых странах (или в их частях) увеличилось число сторонников «ленинизма». Но, что же это за страны, как их следует характеризовать в отношении экономического и культурного развития, насколько в них развита политическая жизнь, как там обстоит дело с экономической, политической и профессиональной организованностью трудящихся и вообще как высок уровень просвещения, классовой сознательности и активности последних в деле защиты своих интересов от капиталистической эксплуатации?

Пропаганда коммунистов имеет, например, известный успех среди украинского населения, живущего *вне* пределов У. С. С. Р. Ничего определенного нельзя сказать относительно развития «коммунистической Партии Западной Украины», благодаря тому, что она действует в подполье; еще труднее говорить о распространении ленинских идей среди *украинских* трудовых масс, ибо известно, что, согласно распоряжению из Москвы коммунистическая партия данной страны или области должна объединять всех сторонников московского большевизма, независимо от их национальной принадлежности (на западных украинских землях — украинцев, евреев и поляков).

Однако, есть, если не прямые, то косвенные данные, дающие основание допускать, что в Галиции и в других западных украинских землях — Вольни, Холмщине, в Полесье, в Подляшье — коммунисты кое-где на вербовали себе сторонников также и среди украинцев. Об этом свидетельствует тот факт, что часть бывшей Укр. Соц.-дем. Партии (Галицийской) высказалась за присоединение к III Интернационалу и за принятие известных 21 пункта коммунистического символа веры; если и не все, то некоторые галицийские

с.-д-ты вступили в К. П. З. У. С другой стороны, на остальных западных украинских землях, где во времена царизма вообще не было никаких политических партий, или существовали только незначительные партийно-социалистические группы, а во время мировой войны даже и такие небольшие группы перестали существовать, теперь, по свидетельству большевицких источников, создались кое-какие коммунистические организации. И здесь, вероятно, идеология большевиков нашла среди украинцев известное число сторонников, которые, однако, не проявляют себя открытой коммунистической деятельностью по причинам чисто полицейского характера. Легально выступают только депутаты Варшавского Сейма от западно-украинских земель, выбранные по общему национальному списку, и «самоопределившиеся», как коммунисты, только в Сейме.

Более ясным и очевидным представляется успех пропаганды коммунистов на Подкарпатской Руси. Мы не войдем в оценку того, насколько глубоко проникла здесь коммунистическая пропаганда и насколько прочным и длительным будет ее успех.

На основании статистических цифр и подсчетов, приходится просто констатировать, что число голосов, поданных на Подкарпатьи за коммунистов на последних выборах было больше, нежели на предыдущих выборах. При этом необходимо не забывать, что за коммунистов подали свои голоса не только украинцы (русины), но также и избиратели других национальностей (евреи и мадьяры). Предположив, что рост коммунистических настроений был приблизительно одинаков среди всех подкарпатских национальностей, становится ясным по результатам выборов, что среди украинского (русинского) населения Подкарпатьи увеличилось число сторонников Москвы, подобно тому, как это было в Галиции и в других западно-украинских землях.

Рост симпатий к коммунистам не следует, конечно, объяснять исключительно тем, что они безудержно пользуются демагогией. Причиной, помимо демагогии, являются более важные обстоятельства.

Трудно, например, сомневаться в том, что национальная политика в странах, населенных также и украинцами, способствовала возникновению резко-оппозиционных настроений среди них. Они и отдавали большое число своих голосов коммунистам, как, «крайней» «оппозиционной» партии, в виде протеста против правительственной политики в национальном вопросе. Для нас несомненно, что на украинских землях, занятых Польшею, лучшим союзником и агитатором в пользу коммунистов являлось само правительство с его политикою притеснений и преследований местного украинского населения. Но этим еще не исчерпывается вопрос о причинах успехов коммунистов среди украинского населения вне У. С. С. Р. Чрезвычайно важным является и то, что как на западно-украинских землях, так равно и на Подкарпатьи уровень экономической, культурной и общественно-политической жизни стоит значительно ниже, нежели в Западной Европе. На более низкой ступени находится там также и классовое самосознание рабочих и крестьянских масс, их полити-

ческая вышколенность и воспитание, организованность и подготовленность к планомерной борьбе.

Этот низкий уровень хозяйственно-экономического и культурно-политического развития представляет собою благодарную почву, на которой легко и пышно расцветает «ленинизм» или, как удачно выразился К. Каутский, «азиатский социализм».

Социализм давно вышел из той стадии развития, когда освобождение рабочего класса (и всех трудящихся) считалось делом просвещенных и гуманных филантропов, или незначительного инициативно-революционного меньшинства (как это думали Бланки и Бакунин) или отдельной личности-героя вроде Вейтлинговского «Нового Мессии», становящегося во главе революционно-освободительной армии.

Социализм прошел путь «от утопии к науке»; прочно стал на незыблемую почву объективно-научного исследования и анализа общественно-экономических отношений и выяснения причин и законов развития человеческого общества. Результатом такой научно-исследовательской работы было то, что Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» могли сформулировать свой взгляд в таких выражениях: «Все предыдущие революционные движения были движениями незначительного меньшинства и в интересах незначительного меньшинства. Пролетарское движение является самостоятельным движением огромного большинства и в интересах огромного большинства».

Но и самое это освободительное движение пролетариата может возникнуть только при известных объективных условиях, которые создаются на определенной ступени общественно-экономического развития. Этими же объективными условиями определяется и высота развития освободительной борьбы рабочих масс, при которой можно полагать, что пролетариат уже созрел для преобразования общественных отношений на новых социалистических основаниях. Таким образом, известный общественный организм должен иметь соответствующий материально-экономический базис, а борющиеся за свое социальное освобождение массы субъективно должны быть готовы к этой борьбе, иметь волю к такому действию и иметь в своем распоряжении необходимые организационные средства к осуществлению своей цели. Без этих предпосылок всякий революционный порыв эксплуатируемых масс к осуществлению социалистического идеала или будет обыкновенным «путчем», обреченным на неминуемую неудачу и легко ликвидируемым, или даже может приобрести характер затяжной, без положительных результатов, борьбы за неосуществимый пока-что идеал. Окончательный результат в обоих случаях будет отрицательный.

Оценивая положение частей украинского народа вне пределов У. С. С. Р., надо признать, что тут ни объективно-материальных, ни субъективных условий для осуществления социалистического идеала еще нет налицо. Но стремление эксплуатируемого и угнетенного люда к освобождению от капиталистического ига и эксплуатации здесь было и есть. Это стремление чрезвычайно усилилось, когда

по всему Востоку Европы — а отчасти и на Западе — прокатилась могучая волна революционного движения. Революционно-освободительные настроения способствовали тому, что лозунги большевиков и их фразеология нашли отклик даже среди более сознательной части рабочих, не говоря уже о классово мало-сознательном, невышколенном и неорганизованном пролетарском элементе, легко поддававшемся влиянию демагогических обещаний немедленного устранения всякого социального неравенства. Поэтому то на западно-украинских землях и на Подкарпатьи, мало-развитых и отсталых в экономическом и в политическом отношении, коммунистическая пропаганда нашла себе более благоприятную почву, нежели в краях экономически и политически развитых. Поучительны результаты последних парламентских выборов в чехословацкой республике: в коренных чешских землях (Чехия и Моравия), где существует высоко-развитая промышленность, где уже десятки лет работают политические партии и профессиональные организации пролетариата, где культурная и общественно-политическая жизнь стоит на значительно более высоком уровне, нежели в других частях республики, — в этих землях коммунисты на последних выборах в конце 1925 г. почти никакого успеха не имели: число голосов, поданных за их кандидатов было даже меньше, чем они получили в 1923 г. при выборах в органы местного самоуправления. Это наглядно доказывает, что наиболее сильным союзником коммунистов на Подкарпатьи является темнота и низкий культурный уровень местного украинского (русинского) населения, стоящие в прямой связи с хозяйственно-экономической отсталостью этого края. Это заключение относится также и к западно-украинским землям, находящимся в настоящее время под польским владычеством.

На Великой Украине перед революцией 1917 г. тоже не было ни объективных, ни субъективных условий для осуществления социалистического строя. Но большевики, незадолго до революции заявлявшие, что в бывшей российской империи должна произойти только демократическая революция, бросили лозунг социальной революции и немедленно принялись за осуществление социалистического строя.

Средством для превращения отсталой страны в социалистическую должна была-бы быть, по их мнению, не долгая, упорная, организационно-творческая работа, а «диктатура пролетариата», под которой подразумевалось грубое принуждение, голое насилие, господство незначительного меньшинства над подавляющим большинством населения, неприемлющего идеи социализма. Какие последствия имела эта политика видно из нынешнего состояния С. С. С. Р., где уже и сами коммунисты — «ленинцы» (по крайней мере более умные или более искренние) откровенно говорят, что никакого социализма им не удалось завести.

У нас нет возможности заняться подробной характеристикой

современного состояния Украины, которая после насильственной оккупации ее русской красной армией «добровольно», уже как У. С. С. Р., вошла в состав С. С. С. Р. Мы остановимся на некоторых явлениях общественно-политической жизни на Украине, хотя бы уже по той причине; что современное состояние Украины является собою картину того состояния, в каком очутились бы и все иные украинские области, оказавшись под властью большевиков, ибо социальная структура всей украинской этнографической территории приблизительно одинакова.

Прежде всего среди всего взрослого населения Украины насчитывается менее 0,4% членов коммунистической партии; если присоединить сюда еще и кандидатов, то тогда всех коммунистов будет всего лишь около 0,7%. Большинство их падает на города, а в украинских селах в прошлом году их было около 0,4% всего взрослого сельского населения Украины всех национальностей.

Такие «достижения» фиксировала большевицкая статистика. Мы уже не говорим о том, что привилегированное положение коммунистов способствовало тому, что в партию проникло не мало элементов, с точки зрения большевиков «ненадежных», которые в критический момент могут «уклониться» от активной их поддержки, а может быть и просто изменить им*). Но уже ничтожный % коммунистов среди украинского населения свидетельствует, что их влияние минимально, что среди украинского крестьянства нет подходящей почвы для большевицко-коммунистической идеологии. Это, конечно, не дает основания утверждать, что украинское крестьянство никогда не шло за большевиками. Мы были свидетелями того, как большевицкие лозунги в свое время магически действовали на известную часть крестьянства; но это продолжалось до тех пор, пока, наконец, украинская крестьянская масса на собственном опыте или вернее собственном горбе не познала практически, что в действительности кроется за соблазнительными лозунгами большевиков, какова их реальная ценность и что из себя представляет «диктатура» пролетариата.

Ничтожный % принадлежности к коммунистической партии, несмотря на все выгоды такой принадлежности к привилегированному сословию, не менее красноречиво, нежели открытая вооруженная борьба, свидетельствует о том, что украинский трудовой люд в своей массе отвернулся от коммунизма и относится к нему враждебно, чиня ему всюду сопротивление. Чем дальше пойдет процесс экономического возрождения Украины и чем больше будет подниматься благосостояние крестьянина, тем более стойким и последовательным будет его сопротивление, рядом с которым неминуемо должна возникнуть борьба за участие во власти, а потом и за захват ее целиком в свои руки. Повышенная активность крестьян при выборах в

*) Во время дискуссии с Троцким Зиновьев указывал на то, что в коммунистическую партию, как единственную в целой стране, влилось много постороннего элемента, который в условиях свободной партийно-политической жизни не был-бы, конечно, в рядах коммунистической партии.

советы, о чем трубят все большевицкие газеты, является начальной формой и первой ступенью борьбы за власть. Это прекрасно сознают и сами большевики, которые всячески стараются противодействовать методами насилия и диктатуры такому опасному для них повышенному интересу украинских крестьян к использованию ими своего права участия в выборах.

Не так давно «всеукраинский староста» Петровский в своей статье («Вісти» 5. II. т. г.) с полной откровенностью заявил, что «милиционер есть и должен быть ходячим агитатором за советскую власть, за социалистическое строительство». Советская милиция по своей сущности и исполняемым ею функциям является тем-же правительственным органом, каковой в иных странах носит название обыкновенной полиции. Сам же г. Петровский в той-же своей статье говорит о «бюрократическом милицейском аппарате», а секретарь В. У. Ц. И. К. Буценко прибавляет к этому, что задачей милиции является «помощь местным органам власти (!)». Таким образом, согласно большевицкой теории, милицейский является одновременно и бюрократом, и «социалистическим строителем». Хорошо организованный полицейский аппарат служит могущественным орудием в руках власти; но какую общественную инициативу, самодеятельность, охоту и навык в деле самоуправления может она пробудить и воспитать в населении? А ведь без самодеятельности, широкого самоуправления и инициативности социалистическое строительство невозможно. Однако, московские большевики и их сторонники ничем не отличаются от всех других автократов, диктаторов и олигархов, и потому они исключительно надеются на всеильность своего полицейского аппарата. Рассказывают, будто один анекдотический царский пристав в своем донесении писал, что где-то на Кавказе «своевременно принятыми со стороны полиции мерами землетрясение было предотвращено». Очевидно, по мнению большевиков, соответствующими «мерами» советской милиции можно создать социалистический строй в С. С. С. Р.

Каких результатов в смысле поднятия уровня общественности достигли большевики своим методом бюрократизации «социалистического строительства», можно видеть на примере пресловутых «Комитетов Незаможных Селян». До недавнего времени эти «комнезамы» входили в общую систему административного аппарата управления, как один из составных его элементов, хотя казалось бы, что они должны были носить характер строго-общественный и быть организациями известного слоя крестьянства со специальной задачей — защиты интересов этого слоя. В прошлом году в большевицкой прессе на Украине поднят был большой спор о том, какой характер должна носить в дальнейшем организация «комнезамов». Этот спор был поднят только для видимости, ибо вопрос об их реорганизации был наперед предрешен в правящих кругах. И, действительно, 6 ноября 1925 г. декретом В. У. Ц. И. К. и совнаркома Украины одобрено было новое «положение»: организации неземожников объявлены были «организациями добровольно-общественными». По всей Украине, по приказу свыше, покатила агитационная компания

в пользу основания незаможницьких организаций, основанных на новых началах. То, что было написано в коммунистической прессе об этой кампании, дает богатый материал для оценки общественно-политических достижений предыдущего периода существования «комнезамов» и функционирования их, как части административного аппарата управления. В течение 5—6 лет этот бюрократический орган питал незаможников в духе инертности, мертвечины и казенщины. И вот, когда встала новая задача — превратить комнезамовские организации из правительственных в общественные, — то оказалось, что к осуществлению подобного задания незаможное крестьянство отнеслось или совершенно равнодушно, или неприязненно. Один из коммунистических деятелей на Украине г. Малашкевич («Вісти» 25. I. т. г.) компетентно свидетельствует, что в связи с реорганизацией «комнезамов» интерес к ним сильно понизился и на общие собрания для обсуждения нового устава не являлось даже половина их членов. То же самое утверждают и многочисленные «селькоры»; даже сам г. Петровский не может этого отрицать и с печалью пишет («Вісти» 4. II. т. г.), что «после этой реорганизации, к большому сожалению, крестьянской бедноты в К. Н. С. не осталось и 40—50%». Когда вспоминаешь, какой широкой волной катилось крестьянское движение во времена Украинской Центральной Рады, какой густой сетью организаций «Селянської Спілки» (Крестьянского Союза) покрылась в 1917 г. вся Украина, то теперешний абсентеизм, выход из организаций и значительное к ним равнодушие среди украинского незаможного крестьянства на первый взгляд кажется удивительным и как будто мало-понятным. Но приняв во внимание условия существования организаций незаможников в недавний период, когда они существовали и действовали в качестве правительственных органов администрации, станет понятной и та неохота, с какой они отнеслись к своему новому положению, ибо недавняя реформа в сознании незаможника преломилась, как *несправедливая*, как реформа *лишившая* его в известной мере прежнего *привилегированного* положения; период функционирования «комнезамов» в качестве правительственных органов внес в среду незаможного крестьянства элемент общественно-политического растления, понизил и без того низкий уровень его самодеятельности, сознательности, интереса к общему делу и склонности к созданию организаций на основах самоуправления. Корреспонденты большевистских газет свидетельствуют, что в разных частях Украины распространяются и находят для себя хорошо подготовленную почву слухи о том, что теперь уже «каюк, мол, комнезамам», что «власть и партия отвернулись от них, потому что *они уже не казенные*». А раз не «казенные», то — дело очевидное — «каюк». Даже в тех местностях, где по удостоверению «селькоров» незаможное крестьянство проявило известный интерес к реорганизации и к новому уставу «комнезамов» — даже и там ясно сказалась психология «казенных» людей, так как «собрания высказывались за необходимость отнести содержание председателей К. Н. С. на счет государства и освободить членов К. Н. С. от членских взносов» («Вісти» 3. II. т. г.). Сам

вышеупомянутый г. Малашкевич должен был признаться, что «часть незаможного крестьянства... в период реорганизации и перевыборов сельских К. Н. С. высказывала мысль, что советская власть и партия начали как будто пренебрегать незаможниками», и минорным тоном повествует: «кампания по вопросу реорганизации и перевыборов президиумов сельских К. Н. С., начавшаяся в последнее время, в достаточной мере обнаружила, что незаможное крестьянство и вся бедняцкая масса мало подготовлена к этой работе и находится под значительным влиянием тех, кому вредят могущественные незаможницкие организации».

Совершенно иначе представляется общественно-политическое сознание и активность среди т. /н. «средняцкого» крестьянства Украины. Не находясь в положении привилегированного сословия, подобно незаможникам; не имея права на создание отдельных своих организаций и не входя при посредстве этих организаций в систему правительственно-бюрократического аппарата, — середняцтво предоставлено было исключительно собственным своим силам и способностям в борьбе за свои права и экономические интересы. Это обстоятельство способствовало развитию среди середняцкой крестьянской массы элементов самостоятельности и активности. Украинское середняцтво прошло ряд фазисов развития борьбы против диктаторско-большевицкого режима: оно боролось с оружием в руках, позднее пользовалось методом пассивного сопротивления мерам большевицкой власти, а потом перешло к борьбе за захват в свои руки органов власти-советов. Своею инициативностью и активностью середняки потянули за собою известную часть незаможников, и результатом этого было то, что на последних перевыборах сельсоветов, равно как и при создании сельско-хозяйственно-экономических организаций (потребительные товарищества, кооперативы, т-ва взаимопомощи) незаможники выступили уже солидарно с середняками.

В хозяйственном отношении более сильное крестьянство проявляло большую энергию в борьбе против большевицкого режима, нежели менее зажиточная его часть. Поэтому и большевики с гораздо большей решительностью взялись за усмирение этой зажиточной части. Они продолжают применять испытанный метод борьбы, основанный на принципе «divide et impera». Пущено уже в оборот новое понятие — «верхушечные середняки», которые, мол, по своему положению приближаются к кулакам, или по новейшей большевицкой терминологии на Украине — к т. н. «глытаям». Теперешней «ударной» задачей для большевиков на Украине является: провести линию раздела между незаможным крестьянством плюс «обыкновенные» середняки и «верхушечными» середняками плюс более зажиточное крестьянство. Это делается с исключительной целью задушить одну часть крестьянства при помощи другой. Натравливая одних на других, большевики надеются выйти из этой борьбы победителями. Удастся-ли им оказаться в положении «tertius gaudens», — покажет недалекое будущее; но уже и теперь есть основание думать, что этого может и не случиться. Так, один из большевицких «селькоров» пишет, напр., о незаможниках Волыни, что они совершен-

но не противятся объединению с середняками, потому что «каждый, мол, незаможник, если он разумно и хорошо работает — кандидат в середняки». А если, действительно, так думают незаможники, то нет серьезного основания не предполагать, что каждый из них представляет себя в будущем не только «верхушечным середняком» и но и «глытаем». Это представляется тем более вероятным, что по свидетельству, напр., «селькора» из Херсонщины в селах «незаможники повторяют кулацкое вранье, будто советская власть отвернулась от бедноты и поощряет... кулака». Автор корреспонденции, связанный своим положением «селькора», обязан был квалифицировать подобные, циркулирующие среди населения, сведения как «кулацкое вранье», но незаможник думает, очевидно, иначе и этому «вранью» верит.

Итак, бюрократично-«казенные» К. Н. С. не подготовили для большевиков среди крестьянства преданного им сознательно-коммунистического кадра. Среди незаможников, как сообщается из Одесского округа, возникла «растерянность, вызванная реорганизацией К. Н. С. и агитацией кулаков», и теперь после их реорганизации, оранжерейным способом воспитанные члены «комнезамов» почувствовали себя на перекрестке; они дезориентированы и пока что ясно себе еще не представляют, как им надлежит поступать после того, как «советская власть отвернулась от бедноты». Однако, уже заметны признаки того, что незаможники и середняки охотно объединяются. Возникает только вопрос, с какой целью они вступают в союз: поддерживать общими силами «соввласть» (добывши или возвративши себе за это привилегированное, «казенное» положение) или же собственными усилиями, вопреки политике «соввласти», самостоятельно возродить свое хозяйство, увеличить свое благосостояние и завоевать или расширить свои политические права и влияние на ход государственных дел и на правительственную политику. Все уступки большевицкой власти в пользу крестьянства со времени нэпа указывают на то, что большевики в своей тактике относительно крестьянства принуждены были перейти «от нападения к обороне», что огромная, хотя и неорганизованная, масса крестьянства стала нападающей стороной и довольно успешно вела свою борьбу против большевицкой власти и ее политики, несмотря на стихийный характер этой борьбы и отсутствие заранее выработанного плана. Эта борьба была делом *всей* крестьянской массы, за исключением разве немногих, объединенных в русских «комбедах» и украинских «комнезамах», которые, как уже сказано, были элементом правительственного аппарата советской власти. Теперь же реорганизация «комнезамов», толкнула незаможников к единению с более состоятельными крестьянами не для поддержки власти, которая от них «отвернулась», а для самообороны в союзе с середняками. Но и «верхушечные» середняки — категория крестьян, которую довольно трудно выделить из общей крестьянской массы — ведут ту же линию, что и «обыкновенные» середняки. Таким образом в общий противобольшевицкий фронт включается и этот деятельный элемент, который посредством тысячи различных оттенков и количественных

нюансов впадает то в состояние «обыкновенного» середняка, то в состояние кулака. Кулак открыто сам почти нигде не выступает; он работает тихонько, почти незаметно, поддерживая всюду, где только позволяют условия и обстоятельства («где кредитом, а где и рюмочкой»), оппозиционные настроения и дух недовольства против правительства и его политики. Из Проскуровщины, напр., один, «селькор» сообщает, что кулаки быть может выставят своих кандидатов на выборах в сельсоветы, а «может быть, наоборот, будут голосовать за середняка, а то и за бедняка, но такого, который будет отстаивать в совете интересы кулаков». По свидетельству другого «селькора», в Роменском округе члены сельсовета заявляют, что у них «особенного разделения на незаможников и середняков нет.... Кулаков бояться нечего, их только двое, и тем дали право голоса, потому что *они там не страшны*». Вообще, как сообщает харьковский «Коммунист» (6. III. т. г.), в корреспонденции из Хмельницкого района (подолье) следует отметить «курс на хозяйственника», взятый смело: стараются выбрать людей степенных, опытных и потому старших. В председатели сельсовета попадают (для удовлетворения начальства!) — большей частью бедняки; руководителями же секций (для деловой работы!) — выбирают середняков».

При таких условиях довольно трудно ожидать, что большевики выиграют; скорее можно думать, что их новая ставка на раз'единение крестьянства по линии: «обыкновенный» середняк — «верхушечный» середняк будет бита, а незаможники после реорганизации «комнезамов» решительно перестанут быть «казенными» и, объединившись с середняками, усилят левое крыло противобольшевицкого крестьянского фронта.

Опубликованные до настоящего времени данные о результатах перевыборов сельсоветов на Украине не предвещают успехов политике большевиков. В харьковских «Вістях» (9. IV. т. г.) приведены данные о перевыборах 10.008 сельсоветов во всех округах У. С. С. Р. Из этих данных видно, что всего избрано 240.247 членов сельсоветов; из них членов коммунистической партии, кандидатов и комсомольцев вместе взятых — 10,5%, а беспартийных — 89,5%. Согласно сводки центр. изб. ком. опубликованной несколько ранее, из числа беспартийных членов «комнезамов» избрано 33%, бедняков — 24%, середняков — 34%. Что касается остальных беспартийных (9%), то «Вісти» не указывают, к какой социальной категории относятся эти 9%. Несомненно, что это более зажиточный крестьянский элемент — «верхушечные» середняки, а может быть и «глытаи». Официальный большевицкий орган очень доволен даже и такими результатами выборов, потому что раньше, мол, партийцев было еще меньше. Однако хорошо известно, что «соввласть» косо смотрит на те села, которые совершенно игнорируют партийцев — подлиз власти. Поэтому украинский крестьянин «ведет политику», — он избирает и партийцев, но принимает их в дозе «для здоровья совершенно не вредной».

Большевики преследовали цель — при посредстве незаможников втянуть середняков в общий фронт с городским пролетариатом, а крестьяне наоборот исключают из своего фронта городского рабочего, объединяясь только между собой и, очень вероятно, *против* рабочих. Это соображение подтверждается, напр. сведениями, сообщаемыми в корреспонденции из Коростеня («Коммунист» 16. II. т. г.), где говорится следующее: «Большой принципиальный вопрос о союзе незаможников, середняков и рабочего класса — тут намечается, как союз *только незаможников и середняков*. Даже некоторые окружные работники (партийцы), выступавшие после точных разъяснений и директив фракции о необходимости подчеркнуть этот вопрос, решили «дипломатически» умолчать о рабочем классе». Такой, как выражается «Коммунист», «крестьянский уклон» партийных работников находит себе объяснение в господствующих среди украинского крестьянства настроениях. Вместо подкрепления себя середняцким элементом и укрепления своих позиций в селе, большевики очутились перед *общим крестьянским противопролетарским фронтом*. Не середняк переходит на сторону рабочего, а, наоборот, он сам перетягивает к себе незаможника, ибо каждый незаможник считает ведь себя «кандидатом в середняки».

Опасность создания общего крестьянского фронта большевики, конечно, не недооценивают и потому стараются его парализовать. Но меры, которые они для этой цели применяют, носят все тот же характер «милицейской агитации» и бюрократических распоряжений. Упомянутый уже секретарь В. У. Ц. И. К. Буценко поместил статью («Вісти» 8. I. т. г.), в которой с вершины своего высокого правительственного положения дает всем, кому о том ведать надлежит, инструкции, какого рода и какого содержания должны быть составляемы указы депутатам в советы и делегатам на съезды советов. Довольно курьезно выглядит вообще самый факт, что высокий «чин» (в роде заместителя президента совреспублики) дает указания, чего должны требовать *избиратели, и законодатели*. Но уже совсем издевательством является то, что избирателям рекомендуется давать своим депутатам и делегатам указы, чтобы они «стремились к упрощению работы советского аппарата и удешевлению всего советского аппарата», или чтобы они «заботились о почтовой связи». Разве упрощение административного аппарата или расширение почтовой сети не зависит от самого большевицкого правительства? Но нужно же симулировать «творческую инициативу» и «активную самодеятельность» сельских депутатов в желательном для большевиков смысле! Ясно, что дело не в этих курьезах, а в том, что г. Буценко инструктирует всех своих «милицейских агитаторов социалистического строительства», чтобы они всеми мерами старались втиснуть в указы депутатам и делегатам пункты о «ленинской партии», об «основной линии октябрьской революции», а главное о «тесном союзе бедноты с середняком» «за совласть» и «против кулаков».

Эту статью-циркуляр своего заместителя сам «президент» Петровский подкрепляет еще и своим собственным посланием («Вісти»

4. II. т. г.), где не только ссылается на большевицкие «закон и пророки», но и обещает «великие и богатые милости» за соблюдение «заветов Ильича». Приводя резолюцию 14 съезда Р. К. П. о том, что «борьба с кулачеством должна идти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком, с целью оторвания середняка от кулака и изоляции кулака», а также обращая внимание своих «милицейских» на другое место постановлений того же съезда, где сказано, что «если беднота, и в первую очередь батраки, являются опорой пролетариата в деревне, то середняк есть и должен (sic!) быть его надежным союзником», г. Петровский занимается пока что только «идеологией». Но он не уклоняется и от деловых разговоров по поводу «материальной основы» и с полной откровенностью заявляет, что «в тех случаях, когда союз (бедноты с середняками) будет достигнут... обе эти категории получают от правительства одинаковые льготы, лучшую, твердую, материальную и кредитную помощь». Само собой разумеется, что этот бедняцко-середняцкий союз за все «льготы» и «материальную и кредитную помощь» должен заплатить своей преданностью «пролетариату», т. е. коммунистической партии. Исполнит ли украинский середняк то, что по мнению большевиков он «должен» исполнить, в этом позволительно усумниться. Но подобный метод действия и это «милицейско-строительское» творчество характерны для московских творцов ленинского «азиатского социализма».

К каким бы хитроумным мерам и способам не прибегали талантливые ученики Ильича и сколько бы они не инструктировали своих «милицейских», они все-же не в состоянии остановить естественного развития общественных отношений в С. С. С. Р., ибо каждое общество, по Марксу, развивается с естественной необходимостью и не может определенных фазисов развития ни перескочить, ни устранить их декретами. Несмотря на всю жестокость диктатуры политбюро компартии и вопреки провозглашаемым в Москве социалистическим лозунгам и революционной фразеологии, в нынешнем С. С. С. Р. под внешней оболочкой большевицкого «социализма» восстанавливаются и формируются общественно-экономические отношения не социалистического, а буржуазно-капиталистического строя. «То, что теперь там совершается — говорит Каутский — является последней (в Европе) буржуазной, а не первой социалистической революцией».

Этот процесс формирования в целом С. С. С. Р. и в частности на Украине капиталистических отношений под руководством «ленинцев» можно было бы наблюдать гораздо яснее, если бы там существовала хотя бы минимальная свобода проявления общественно-политической мысли. Но ввиду полного отсутствия иной прессы, кроме партийно-коммунистической, вследствие запрещения общественных — а тем более политических — собраний, конференций или съездов действительные настроения и тенденции общества не отображаются прямо и непосредственно ни в прессе, ни на собраниях или съездах. Однако общая картина этих общественных настроений и тенденций,

хотя и в карикатурно-искривленном виде, отражаются до известной степени в советской прессе и на съездах компартии. Очень иллюстративным в этом отношении был последний съезд Р. К. П. При всем своем желании сохранить в своих руках всю полноту и независимость управления государством и устройства хозяйственных отношений в стране, большевики все же принуждены идти на известные уступки в сфере экономики, которых императивно требует жизнь. Под давлением требований реальной жизни, некоторая часть из них стала на позицию ликвидации прежнего коммунистического утопизма и взяла курс на «экономический реализм». Но другая часть крепко держится прежней тактики насильственного внедрения социалистического строя. Хотя на 14 съезде Р. К. П. обе группы говорили на языке «ленинизма» и аргументировали от «заветов Ильича», но в сущности в дискуссии, развернувшейся на этом съезде, и в борьбе между представителями официального партийного курса с оппозицией, отображаются те же процессы, которые идут в самом обществе С. С. С. Р. в связи с формированием там капиталистических отношений под оболочкой большевицкого quasi-социализма.

Еще в начале прошлого года (апрель 1925 г.) один из теперешних представителей официального партийного курса Молотов на пленарном заседании Ц. К. Р. К. П. заявил, что «мы (большевики) развиваем капиталистические отношения в деревне и во всей стране. Мы усиливаем капиталистические стороны развития в нашем хозяйстве». Собственно говоря и Зиновьевская оппозиция на последнем съезде говорила не что иное, как только то, что уже ранее высказали г. Молотов, т. е. что все хозяйство С. С. С. Р. развивается в направлении возрождения и укрепления буржуазно-капиталистических отношений; она лишь отстаивала необходимость насильственного приостановления этого естественного хода развития. Среди украинских коммунистов оппозиция не имеет сторонников; все мовковские ставленники на Украине оказались совершенно «благонадежными» по части надлежащего понимания «заветов Ильича» и на съезде шли в ногу со сторонниками Сталина, который персонифицировал официальный курс политики. Эти Сталинские ратоборцы на съезде доказывали с пеной у рта, что именно его линия наиболее соответствует всем пунктам «заветов» и лишь одна она правильно намечает «ленинский» путь к социализму. Но вся риторика обоих лагерей Ленинских учеников, все их речи длиною в километр и все проявленное ими значительное жонглерское искусство в толковании основ «ленинизма» не имели, конечно, целью выяснения вопроса о том, каким путем следует идти к осуществлению социализма и можно ли вообще осуществить его в С. С. С. Р. На 14 съезде просто шел открытый бой за диктатуру Сталина, что является вполне естественным, ибо в процессе своего развития всякая олигархия имеет тенденцию превратиться в единоличную диктатуру. Если еще недавно номинальная «диктатура пролетариата» обозначала фактическую диктатуру триумvirата Сталин-Зиновьев-Каменев, то теперь, после поражения оппозиции, диктаторская власть стала постепенно сосредотачиваться в руках одного победителя — Сталина. Но это не та

диктатура, которая может рассчитывать на поддержку со стороны обращенного против городских рабочих крестьянского фронта.

Таков смысл событий, развивающихся на территории, находящейся под властью московских правителей, и в частности на Украине. Понять события, совершающиеся на Украине и на всем пространстве С. С. С. Р., надлежало оценить их действительный смысл и значение для возрождения украинского народа является одной из серьезных задач и обязанностей для тех, находящихся вне пределов У. С. С. Р. украинских общественно-политических деятелей, которые не хотят слепо и некритически копировать большевицкие методы, и которые не склонны ожидать прихода национального и социального освобождения своего трудового люда исключительно только от коммунистического востока. Они должны осознать и не забывать того, что тернистый путь, пройденный рабочими и крестьянством на Беликой Украине за время господствования там московских большевиков, является страшной реальной картиной того пути, какой неминуемо должны были бы пройти трудовые массы также и на западно-украинских землях, если бы они усвоили большевицкие лозунги и попытались осуществить их на практике. *Не диктатура, а демократия указывает правильный путь к социализму.* Те же, кто пойдет за лозунгом диктатуры, будут жестоко наказаны самой жизнью за свои ошибки, за непонимание того, что жизнь общества не идет по указке диктаторов, ибо развитие общественных отношений совершается с необходимостью естественных законов.

УКРАИНА.

М. Остерский.

Русский вопрос на Украине.

После провозглашения автономии Украины (в ноябре 1917 г.), последняя фактически стала независимым государством с своим собственным революционным парламентом — Центральной Радой — и своим отдельным правительством — Генеральным Секретариатом. Не признав правительства большевицкого совнаркома всероссийским правительством и порвав связь с Петроградом, Украина *via facti* перестала быть членом Российской Федеративной Республики, провозглашенной Учредительным Собранием. Последовавшие затем военные действия между украинскими войсками и российской красной армией закрепили это состояние фактической самостоятельности Украины. Таким образом провозглашение IV Универсалом Центральной Рады независимости Украинской Народной Республики было только актом юридического оформления создавшегося уже ранее фактического положения вещей.

После отделения Украины положение русских там изменилось прежде всего в том смысле, что они стали на территории У. Н. Р. национальным меньшинством, подобно другим национальным меньшинствам: польскому и еврейскому. Граждане этих трех национальных меньшинств на Украине пользовались правами национально-персональной автономии, предоставленными им соответствующим законом Центральной Рады. В составе украинского правительства были три секретаря по национальным делам (русский, польский и еврейский). Менее крупные национальные меньшинства этими правами не пользовались.

Однако, такое разрешение национального вопроса на Украине не удовлетворило русских, которые никак не могли или не хотели примириться со своим новым положением национального меньшинства там, где они еще так недавно чувствовали себя господами положения. Всякое мероприятие украинского правительства для культурно-национального и государственного возрождения украинского народа неизменно встречало оппозицию со стороны русской части населения Украины, сосредоточенной преимущественно в городах. Введение украинского языка в государственные учреждения и в школы, выпуск денежных знаков и т. д. она рассматривала прежде всего как акт вражды по отношению к русской культуре и государственности, совершенно забывая о том, что и то и другое на Украине — явления сравнительно недавнего происхождения, созданные не самим украинским народом, а принесенные извне и проводившиеся весьма часто насильственно при помощи аппарата государственной власти российского централистического правительства. В своем отрицательном отношении к культурно-национальному и государственному возрождению украинцев русские на Украине были удивительно единодушны без различия политических убеждений, от явных черносотенцев до лево-демократических элементов включительно.

Провозгласив «самоопределение наций — вплоть до полного их отделения», русские большевики предпочли однако на практике вести национальную политику в духе, совершенно противоположном этому принципу. Они продолжали прежнюю царскую политику на Украине, часто превосходя ее дикостью форм борьбы. Расстрелы лиц, у которых обнаружены были квитанции на взнос в украинский национальный фонд, называние украинского языка «собачьим языком», выкалывание глаз на портретах чтимого украинцами национального поэта Шевченко, уничтожение и топтание их ногами и тому подобные акты издевательства и варварства были обычным явлением во времена первой оккупации Украины красной армией в начале 1918 года.

Длительная вооруженная борьба украинского национального правительства за независимость окончилась победой красного империализма; к концу 1919 г. Украина второй раз была оккупирована большевической армией, а в Харькове появилось «украинское» советское правительство, сформированное из ставленников Москвы, проводившее руссофильскую политику центрального большевического правительства. Скоро, однако, в среде даже коммунистической партии большевиков Украины появились противники «русотяпства», не говоря уже о полуполюгальной Украинской Коммунистической Партии, довольно решительно выступавшей против официальной политики большевиков в национальном вопросе и пользовавшейся за это симпатией и поддержкой широких масс украинского крестьянства. Русский шовнизм большевиков ослабевал по мере того, как украинское крестьянство своей тактикой пассивного сопротивления все более и более изолировало города от сел. Под напором могучего низового национального движения украинской крестьянской стихии большевики начинают приспосабливаться к украинской действительности. Про силу и размах этого стремления можно отчасти судить хотя бы по тому факту, что самостоятельная национальная украинская церковь насчитывает около 10 мил. членов (при 27 мил. общего количества населения Украины), несмотря на разные притеснения со стороны большевиков.

Для назначенных Москвою коммунистических генерал-губернаторов на Украине создалось затруднительное положение: им приходилось завыривать между Сциллой московско-большевического «русотяпства» и Харибдой крестьянского национально-украинского движения. Последняя все же оказалась более могущественной, и большевикам волей-неволей пришлось ей уступить: началась эпоха «украинизации» сначала совapparата, а потом и комаппарата. Сидевшие в Москве правители не чувствовали всей остроты положения своих харьковских коллег, и потому они сначала не в состоянии были понять позицию своих ставленников, вынужденных независимыми от их воли обстоятельствами взять новый «украино-филь-

ский» курс. На этой почве возникали не раз конфликты между Московским традиционно — «русотяпским» центром и Харьковским, «украиннофильским по-неволе», отделением. Еще в прошлом году на страницах московских газет выступил со своими обличительными статьями Ларин, который обвинял харьковских правителей в излишнем усердии при проведении «украинизации». То же самое повторилось и в апреле т. г. на II сессии Ц. И. К. С. С. С. Р. в Москве. Коснувшись доклада председателя совнаркома Украины Чубаря, Ларин выступил на защиту национальных меньшинств и русской культуры на Украине. Против него дружной ратью ополчились делегаты У. С. С. Р. Гринько, Петровский, Скрипник и Затонский, которые при общей поддержке представителей советских Белоруссии, Грузии, Азербейджана и др., по выражению Заронского «всыпали» Ларину по первое число.

Чтобы познакомить с настроениями теперешних правителей Украины приведем некоторые характерные выдержки из речей упомянутого выше «украинского квартета».

Гринько, например, заявил: «...надо понять, что русская культура на Украине опирается на вековые традиции угнетения... На Украине, несомненно, не такое положение, что украинская нация угнетает нацию русскую, русское национальное меньшинство. Это — вредная сказка. Украинская национальность делает только первые шаги к тому, чтобы занять надлежащее место в государственном строительстве... Русская традиция в национальных республиках... находит своих глашатаев-политиков и прокуроров, в частности в лице т. Ларина, и их сопротивление мешает ранее угнетенным народам двинуться по великому пути действительного национального возрождения».

Петровский со своей стороны, решительно отрицая преследование русского языка на Украине, добавил следующее: «Позвольте вам признаться в очень большой погрешности украинского правительства по отношению к украинскому населению — в недостаточно решительной и быстро проводимой директиве в области национальной политики... Кто стоит у нас во главе советской власти на всей Украине? Больше — русский рабочий. Но если он поставлен в украинские условия, то он должен знать линию партии, понимать украинский народ, изучать его и на его языке проводить коммунистическую культуру... Если т. Ларину и ему подобным, которые в качестве туристов проезжают через Харьков, не нравятся украинские слова, то он должен знать, что мы к туристам приспособляться не будем... Мы только сейчас осуществляем историческую справедливость, которая была подавлена царским правительством... Говорить об украинизации на селе нам нечего: там она развертывается сама собою и естественно, а город еще далеко не приспособлен».

Скрипник, пославши по адресу Ларина упрек, что он не принадлежал к числу инициаторов создания союза сов. республик, заявил: «я знаю даже больше... перед тем, как был поставлен вопрос о возникновении Союза имелась другая тенденция, с которой нам украинцам и другим товарищам приходилось бороться, — некоторая линия на инкорпорацию возникших самостоятельно Советских Республик в состав Р. С. Ф. С. Р. И среди представителей этой точки зрения я знал т. Ларина». Оправдываясь перед московским центром, Скрипник заявляет, что русский язык на Украине не только никаким преследованиям не подвергается, но даже наоборот «процент школ низших и средних, где преподавание ведется на русском языке, у нас значительно выше чем процент русского населения». Вспомнив, что украинская стихия, среди которой Скрипнику придется существовать и работать по возвращении из Москвы, не шуточная вещь, он добавляет: «мы проводим линию, согласно которой в тех местах, где имеются представители нацменов — польские, молдавские, еврейские, болгарские, немецкие — чиновничество должно работать на языке этих меньшинств (тамошнего большинства) но для учреждений центральных позвольте нам обеспечить каждому гражданину его право и возможность обращаться в наши учреждения на родном языке. Мы подбираем таких чиновников, которые нам нужны, т. е. знающих язык кре-

стьянского большинства Украины. И когда т. Ларин... приводит факты, что чиновники из окружных отделов жалуются на необходимость подавать заявления и записки на украинском языке, кого он защищает, рыцарем чьих интересов он здесь выступает? Я заявляю, что он выступает рыцарем нашей мелко-буржуазной чиновничьей среды. Вот откуда идут жалобы сюда в Москву, к т. Ларину и ему подобным. Вся великодержавная среда, старая великороссийская среда... вопит против украинизации».

Затонский старался и обороняться и нападать. С одной стороны он стремился рассеять всякие сомнения относительно своей благонадежности и непоколебимой преданности «красной Москве»; с другой — он делал весьма язвительные замечания по адресу «головотяпов» и «русотяпов». «У нас на Украине, говорил он, евреев не меньше, чем русских, но евреи на Украине — нацменьшинство, а русские на Украине не являются нацменьшинством; да этого и не может быть (sic!), потому что русская культура слишком велика, обширна, могуча — культура, которая создавалась веками. Для нас русский язык не просто язык нацменьшинства, и русские на Украине не просто нацменьшинство, но большинство рабочего класса на Украине... Незачем защищать русский язык и не от кого его защищать, потому что он сам себя защитит, да и мы позаботимся о том, чтобы Украина не была оторвана от Р. С. Ф. С. Р., от красной Москвы. Но ведь для большевиков весь вопрос заключается в том, чтобы сохранить в своих руках диктаторскую власть. Поэтому, Затонский волнуется: «нельзя относиться к русским на Украине, как к другим меньшинствам. Русские на Украине не простое национальное меньшинство, а в первую очередь — рабочие, которых мы с большим трудом убедили, даже партийцев, что украинизация нужна. С большим трудом и сейчас еще мы подходим к рабочим и говорим: ты должен овладеть украинским языком, если хочешь сохранить свое влияние в этом крестьянском море. Можем-ли мы русского рабочего насильно украинизировать? Не можем и не станем этим делом заниматься, но мы сделаем все возможное, чтобы приходящий в город украинец не руссифицировался, а сохранил свой украинский язык и возможность влияния на крестьянство». Для пушного вразумления своих русских товарищей — «головотяпов», в роде председателя курского губисполкома, «которые считают, что имеется только русская национальность «в широком смысле слова», в том числе — украинцы, белорусы и т. д.» Затонский ссылается на авторитет Ленина и рекомендует им прочесть то, что говорил Ленин по украинскому вопросу на конференции в декабре 1919 г., добавляя, что «многим «русотяпам» это не вредно прочесть». Затонский уверяет, что он далек от мысли об отделении Украины, но все же давлению украинской крестьянской массы он не в состоянии противостоять и в целях сохранения «диктатуры пролетариата» должен идти на такие «явно-контр-революционные» мероприятия, как перекрашивание русских вывесок на украинские. Однако, он подчеркивает, что «Петлюра проводил это для того, чтобы отделить украинского рабочего и крестьянина от русского рабочего, а мы это делаем для того, чтобы закрепить пролетарскую диктатуру на Украине». Затонский спрашивает: «можно ли на той же Украине осуществлять диктатуру пролетариата над крестьянством — и мы ведь диктатуру понимаем по-ленински, как союз, и союз понимаем тоже по-ленински, как руководство — можно ли осуществлять диктатуру, т. е. руководство пролетариата над крестьянством, если пролетариат будет русским по культуре, а мужик-то — украинский? Можно или нет? — и убежденно отвечает: «шею себе сломаем, дорогие товарищи! И плохо было бы, если бы нам не удалось переломить эти настроения, которые были даже в партии; если бы нам не удалось убедить большинство рабочих Украины, что нам нужно овладеть украинским языком, овладеть украинской культурой, ибо это вопрос жизни или смерти Советской Украины. Вот в чем дело! Вы этого не хотите понять, т. Ларин».

Упреки большевиков-«украинофилов» по адресу большевиков-«русотяпов» являются лишь отзвуком трудного их положения на Украине. Что-

бы сильнее досадить Ларину, Затонский счел уместным вспомнить о том, что Ларин 20 лет тому назад, работая в «Спилке», придерживался иного взгляда на украинский язык, причем, считая тогда правильным, что «Спилка», будучи в организационном отношении автономной частью Р. С. Д. Р. П., вела свою работу на украинском языке. Но к чему эти «дела давно минувших дней»? О чем они могут свидетельствовать? Автор этих строк может сообщить к сведению г. Затонского, что он тоже имел случай встретиться с г. Лариным 20 лет тому назад и вместе с некоторыми членами главного комитета «Спилки» беседовать с ним по вопросу о задачах и сфере деятельности «Спилки». Автор этих строк свидетельствует, что тогда Ларин не только не возражал против украинского языка в соц.-дем. работе, но даже высказывался в пользу превращения «Спилки» в автономную территориальную соц.-дем. организацию Украины с подчинением Главному ее комитету всех местных комитетов Р. С. Д. Р. П., действующих на территории Украины. Но ведь «то было ранней весной». Ларин, по его же собственным словам, был ведь некогда «аксельродовцем», а потом его осенил дух «ленинизма». Это случилось не так давно и для доказательства непостоянства Ларинских взглядов нет никакой надобности вспоминать факты 20-летней давности. Гораздо интереснее и важнее отметить то обстоятельство, что Ларин в своих взглядах на «русский вопрос на Украине» вовсе не является таким отсталым по сравнению с харьковскими «украинофилами-поневоле», как это хотелось бы изобразить «просвещенным» и наученным горьким опытом коммунистическим генерал-губернаторам Украины. Ведь всего только 8 лет тому назад этой разницы во взглядах не существовало, и украинская речь была признаком «контр-революционности» в глазах всех правоверных большевиков как московских, так и киевских или харьковских. Как удостоверяет сам Затонский, в конце 1917 г. «колоритнейшая фигура, комендант города Дубно, киевский рабочий, комбриг», он же и большевицкий «батько» Баженко (до конца своей жизни плохо говоривший по-русски) на просьбу украинской труппы о разрешении спектакля соизволил ответить: «пьесу розрешаю, но заприщаю актерствовать на контр-революционном языке». Подобные перлы элоквенции и эпистолярного искусства большевицких начальников встречались также и в произведениях незабвенного киевского коменданта Ремнева и других ему подобных. Да, по свидетельству, того же Затонского, и в докладе на 1-ом съезде большевиков Украины в декабре 1917 г.: — «в разгар национального украинского движения, когда в Киеве царствовала Центральная Рада» — говорилось о том, что «если бы мы раньше напирали на классовую борьбу и не говорили о праве наций на самоопределение, то мы не очутились бы в таком положении, в каком очутились сейчас». Докладчиком, оказывается, была знаменитая Евгения Бош, которая «тогда же внесла предложение: не удрать ли нам из Киева?» Ко всему этому Затонский назидательно замечает: «Вот какие представления были в рядах тех, кто стоял во главе киевской организации. По иронии судьбы Бош через три дня после произнесения этой речи стала во главе первого Украинского советского правительства», исполненная теми же настроениями и мыслями, что и Ремневы или «батько» Баженко, который «в простоте душевной так и понимал, что украинский язык — это петлюровский, а русский язык — это ленинский». Баженко, как полагается «батьке»-простаку, «на своем хохлацком наречии гнул в сторону России», а «образованные» господа Затонские, Ларины и Боши делали то же самое, пользуясь для этой цели русским языком и укрощая украинское национальное движение при помощи штыков русских красноармейцев.

Непреодолимое стремление украинского народа к культурно-национальному возрождению и ясно обозначившееся его стремление к самостоятельному государственному существованию неминуемо поставило бы и всякое другое, и не большевицкое, правительство в такое же затруднительное положение, в каком очутились харьковские наместники Москвы, если бы это правительство не захотело считаться с тенденциями украинского возрождения. Только последовательное и без всяких ограничений

применение к украинскому народу демократического принципа национального самоопределения даст естественный и едино возможный выход из этого положения. Украинцы, как и все иные народы, должны получить возможность устроить свое существование согласно их собственной воле, а не по принуждению или под давлением посторонних факторов. При государственно-самостоятельном существовании Украины ее граждане русской национальности, как и граждане всякой другой неукраинской национальности, должны иметь обеспеченные законом широкие права национальных меньшинств. Только торжество демократии принесет умиротворение и развязку сложного вопроса национальных взаимоотношений.

Автор.

ГРУЗИЯ.

«ГЕРМАНСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ» В ГРУЗИИ

В грузинском с.-д. журнале «Брдзола» (№ 9) помещена беседа*) так называемой «германской делегации» во время ее пребывания в Тифлисе с членами Комитета Независимости и, в частности, с председателем Комитета, тов. Андроникашвили, отбывающими наказание в Метехском замке.

«Делегация» пожелала ознакомиться с биографией тов. Андроникашвили. Последний вкратце излагает свое революционное прошлое и, между прочим, указывает на тот факт, что царский суд, лишил его за революционную деятельность звания князя и всех прав и преимуществ и сослал на поселение. Советское же правительство, в связи с восстанием 1924 года *восстановило* его в княжеском звании, упорно повсюду разглашая, что «во главе восстания стоит князь Андроников».

Один из «делегатов» спрашивает: правда ли, что в советских тюрьмах подвергают пытке? «Да, правда, — отвечает Андроникашвили, — и предлагает делегации осмотреть помещение Чеки и ее темные и сырые камеры-подвалы (№№ 23 и 24), чтобы убедиться в каких ужасных условиях держат заключенных. «К нам, — заявил тов. Андроникашвили, — большевики пыток не применяли, но вообще применяют». В качестве примера он рассказывает о студенте Сванидзе, арестованном задолго до восстания. Его долгое время держали в темном и сыром карцере. Его били, мучили и сломали ему руку. Но молодой революционер переносил все эти мучения горнически. И когда Чека не получила от него никаких сведений страдальца-юношу расстреляли.

Другой «делегат» заинтересовался вопросом получают ли Андроникашвили и его товарищи газеты, имеют ли они прогулку и какой режим тюрьмы к ним применяется? Андроникашвили предлагает делегации вместо разговоров о газетах перейти к, вероятно, более их интересующему вопросу о восстании и о приговоре суда. Делегаты моментально с ним соглашаются и все вытаскивают из карманов записные книжки.

Андроникашвили начинает с приговора суда.

Приговор в отношении руководителей восстания — мягок. Но мотивы его совершенно недопустимы и возмутительны. Мотивировка приговора — повторение выводов обвинительного акта, который построен на обвинениях уголовного характера. Выходит так, что к уголовщине причастны как Комитет Независимости так и политические партии, в него входившие. Обвинения были выставлены: в убийствах, в нападениях, в разбое, в шантаже и т. п. На суде выяснилось, что ни одно из перечисленных преступлений место не имело, за исключением двух убийств, к которым ни Комитет Независимости, ни политические партии не были причастны... И

*) Мы приводим ее в выдержках. Ред.

все таки суд внес в свой приговор недоказанные обвинения с очевидной целью запятнать нас и политические партии.

Затем против нас было выставлено обвинение, также недоказанное, в интервенции. Суд снял это обвинение и все таки в приговоре, касающемся приговоренных к смерти, оно фигурирует. Очевидно предполагали, что раз устроили восстание, то между устроителями могли быть и приверженцы интервенции. Но вся наша борьба, все восстание было как раз направлено против интервенции советской России, произведенной ею над Грузией в 1921 г. Если бы мы выступили в защиту какой-либо иностранной интервенции, то тем самым мы оправдали бы и интервенцию советской России. Ни вызовы иностранных вооруженных сил для вмешательства во внутренние дела страны, ни организации для отправки военной экспедиции, ни склонения иностранной державы к объявлению войны советской России — всех этих трех условий, определяющих по ст. 60 угол. кодекса интервенцию, не сумели, да и не смогли бы, доказать... Со дня оккупации Грузии, правительство демократической Грузии, вынужденное покинуть родину, там, в Европе, а мы, здесь — старались склонить на сторону Грузии общественное мнение Европы. Мы домогались, чтобы европейские государства дипломатическим путем вмешались в наши дела и сделали бы предложение о выводе русских войск из Грузии. Мы предлагали социалистическому и коммунистическому Интернационалам составить смешанную комиссию для производства в Грузии референдума об образе правления, желательного грузинскому народу... Для такого рода дипломатического и социалистического вмешательства мы были вправе работать, тем более, что Грузия была юридически признана сначала самой советской Россией, а потом европейскими державами. Если такое вмешательство — интервенция, то мы за такую интервенцию.

Третье и самое настоящее обвинение против нас было восстание. Это обвинение мы не отрицали. Но чем было вызвано восстание?»

Изложив историю нападения советской России и оккупацию Грузии, тов. Андроникашвили продолжает:

«Для защиты государственных интересов и восстановления поправных прав грузинского народа, обязаны были выступить как националисты, так и социалисты. И, действительно, против советской власти сплотились все грузинские политические партии: социал-демократы, социалисты-федералисты, социалисты-революционеры, независимые социал-демократы («схивисты») и национал-демократы. Правда, вначале эти партии не стали на путь прямой борьбы. Они, наоборот, старались найти с новой властью общий язык, чтобы решить все спорные вопросы мирным путем, в пределах советской конституции. Оккупационная власть не пошла нам навстречу. Она предпочла путь репрессий и принялась арестовывать политических деятелей. Когда правительство аресты увенчало расстрелами, то говорить о мире с ним стало излишним. Политические партии приступили к активной борьбе и учрежденный ими Комитет Независимости, в августе 1924 года решил устроить восстание. Восстание потерпело поражение (по особым причинам), но восстание это было всенародным, массовым, весьма сильным в западной части Грузии и, сравнительно, слабым в восточной. В Тифлисе мы не выступили, так как он был сильно укреплен русскими войсками. Мы его намеревались взять извне. Восстание было подавлено русскими войсками. Коммунисты стараются это восстание окрестить авантюрой. Но мощь восстания и бесчисленные жертвы расправы советского правительства, свидетельствуют обратное. Расстреливались не одни повстанцы, взятые в плен во время боев. Расстреливались те, кто никакого участия в восстании не принимал. Из тюрем выводили арестованных и расстреливали «пачками». Расстреляли не только политических в тюрьмах Грузии, но и тех, кто раньше восстания были отправлены в тюрьмы России. Так, из Суздальской изоляционной тюрьмы вывели и расстреляли известных с.-д.-революционеров: Ноя Хомерики, Бенна Чхиквишвили, Гогита Пагава, Васо Нодия и Георгия Цинамдзгваришвили. Повстанцы совершенно иначе обращались с взятыми в плен коммунистами. Не было ни одного случая их убийства. Об этом наш центр

дал строжайшую директиву и она неуклонно выполнялась. Например, вот пришедший с вами сюда член Ц. К. коммунистов Ваню Стурца вместе с другими тоже был захвачен в плен, но он и по сегодняшний день здоров.

После поражения восстания мы, руководители, были арестованы. В ту же ночь нас связали и взяли на расстрел. В это время явился председатель Чрезвычайной Комиссии Берия и сделал нам предложение о выпуске воззвания к восставшим, кое-где еще продолжавшим борьбу. Мы должны были посоветовать повстанцам сложить оружие, прекратить бесцельное кровопролитие и этим положить конец массовым расстрелам, которые советская власть продолжала применять. Берия обещал по выпуске воззвания немедленно прекратить расстрелы. Мы чувствовали всю ответственность перед народом и, желая положить конец расстрелам сотен невинных людей, приняли предложение Берия. Для составления воззвания нам развязали руки. Воззвание было опубликовано и, в самом деле, массовые расстрелы прекратились. Восставшие по нашему предложению сдали оружие. Из нас к расстрелу были приговорены: я, Г. Джинория (с.-д.-ты), Мих. Бочоришвили (с.-р.), Джавахишвили и Мих. Ишхнели (национал-демократы)...

СРЕДИ ГОРЦЕВ.

Реднегорец.

К ПРОБЛЕМЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА.

Проблема независимости горцев Кавказа не нова. Она имеет давнюю историю и в различные времена поднималась в разных формах и с различной интенсивностью. История, так называемых, кавказских войн полна трагических страниц. Могущественная Русская держава в течении 60 лет не могла привести горцев к покорности и теперь русские историки признают, что для ведения кавказских войн не было никаких оснований, кроме политики захватов и казацкой колонизации.

Свобода горцев была уничтожена кровью и железом, и потому бывает и смешно и больно, когда говорят о горцах, как о народностях еще не дошедших до национального самосознания и всякое самостийничество у горцев приписывается искусственно разжигаемой кучкой интеллигентов интриге. Между тем в горцах, имеющих столь богатую и недавнюю историю борьбы за свою независимость, свободолюбие и стремление к самостоятельному существованию никогда и не угасало. Их борьба стала бесполезной, когда русское владычество окончательно укрепилось в Закавказье. Горцы оказались сжатыми в тиски с севера и юга и сложили оружие.

Снова горцы поставили себе задачу освобождения после мировой войны к последовавшей за ней российской революции. Российская революция оформила чувства, начавшая бродить в умах поработанных народов под влиянием войны, в ясные и понятные для всех лозунги равенства всех народов.

Мировые события не прошли мимо горцев. Последние приняли в них активное участие и сделали из всего соответствующие выводы. Горцы, располагающие достаточным кадром национальной интеллигенции, в настоящее время поставили перед собой проблему своей независимости уже в несколько иной плоскости. Определяющим моментом нашей политики является достижение *общекавказской солидарности*. Отсутствие последней в свое время погубило Шамиля. Ошибка эта была повторена вторично уже в наши дни, когда, кавказские народы забыли реализовать и использовать общекавказскую солидарность. Ошибки прошлого

более или менее осознаны горцами, и в настоящее время они заняты пересмотром своих позиций. Все горские организации становятся на путь самого тесного сотрудничества со всеми кавказскими партиями и организациями, ставящими своей целью осуществление политической независимости. Горская интеллигенция, выделила из своей среды Революционно-Демократическую партию горцев Кавказа (сокращенно «Реднегор») которая будет служить целям объединения и создания обще-кавказской солидарности — этого единственного залога нашего успеха в борьбе за независимость. Кавказ, с его разноязычными народами, спаянными между собою тысячелетней историей, обычаями, бытом и духовным укладом, а также тесно связанными экономическими условиями и потребностями, как бы самой природой предопределен для создания единого Союзного Кавказского государства. Целям этого объединения и планомерного использования всех сил кавказского края в борьбе за независимость будут отданы все силы горской национально-мыслящей интеллигенции и партии «Реднегор».

Мы будем также содействовать установлению контакта и координированию наших действий с деятельностью партий и организаций Украины, Белоруссии и др. народов борющихся также, как и мы, за свою независимость.

С. С. С. Р.

К переименованию Р. К. П. в В. К. П.

По поводу переименования Российской Коммунистической Партии в Всесоюзную на XIV съезде происходили довольно оживленные прения. Вопрос об этом уже давно стоял. Такое переименование, — заявил докладчик Андреев диктуется необходимостью пригнать партийное строение к государственному. Главное сомнение: не возникнет ли требование об образовании *русской* партии и *русского* центрального комитета. Если бы переименование с неизбежностью к этому повело, — это было бы «величайшим вредом», ибо фактически означало бы существование двух центральных руководящих органов. До сих пор необходимость в образовании русской партии как будто не было, и никто это не выдвигал и «по существу ни в строении, ни в задачах нашей партии абсолютно ничего не изменится... Все национальные партии, которые у нас существуют — украинская, закавказские, средне-азиатские партии — все существуют на правах или областных комитетов или губернских комитетов, а партия остается централизованной, единой партией, сверху донизу, в отличие от некоторой децентрализованности в нашем советском союзном строительстве» Но возражают: тогда следует переименовать и все национальные партии, сделать их губернскими или местными организациями без *национальных названий*. Это возражение уже предвидит 31 пункт устава, где совершенно ясно говорится: «партийная организация, обслуживающая территорию национальных республик и областей союза и Р. С. Ф. С. Р. приравнивается к областным или губернским организациям партии, т. е. целиком подчинена Ц. К. Р. К. П. (б)» (теперь ВКП. (б)).

Против предложения докладчика выступил Полонский, заранее оговорившийся, что он выразит «некоторое консервативное настроение некоторых членов партии» по этому вопросу. Он, во первых, считает, что сравнение переименования Р. К. П. с тем, что предлагал Ленин в свое время по поводу социал-демократической партии не выдерживает критики: Ленин предлагал изменить «название опошленное и затасканное» в связи «с поведением меньшевиков, в особенности в период империалистической войны». Знамя же «Р. К. П.» выдержало «слишком серьезные бои и испытания и в период гражданской войны, и в период строительства». Во вторых, он не видит гарантий, что не начнутся толки и разговоры о необходимости организовать еще русский центр и российский

Ц. К., кроме общесоюзного. Могут далее быть попытки вести организационную борьбу вокруг таких предложений.

В защиту докладчика высказался Саркис, один из главных «раскольников» со стороны ленинградцев, путанная голова, которого на съезде походя третировали все, кому не лень. Саркис согласен на переименование, но настаивает, чтобы «что-нибудь сделать с национальными партиями». «Партия состоит из суммы организаций», коммунистическая же партия «состоит из суммы партий». Поэтому — надо в пределах национальных республик иметь «соответствующие организации этой всесоюзной партии».

С Саркисом не согласился Ст. Коссиор, который раньше тоже, принадлежал к «консерваторам». «Что можно привести разумного против изменения названия?» интересуется он и находит: «ничего, кроме чувства сожаления, что вот такое великолепное название изменяется». Относительно же переименования отдельных национальных организаций, Коссиор считает, что «это было бы вредно», ибо «при национальной политике, которую мы ведем, имеют значение даже гораздо более мелкие факты, чем переименования. Названия национальных партий связаны в известной степени также с той национальной политикой, которую мы вели. Если бы мы сейчас допустили изменение названий отдельных партий, скажем, партии Украины, то это нам только повредило бы, набросило бы определенную тень на нашу национальную политику».

В заключительном слове, Андреев подчеркнул, что «ни украинскому крестьянину и рабочему, ни узбекистанскому крестьянину и т. д. вы не объясните, почему до сих пор руководящая партия всего Советского Союза сохраняет старое название — Российской». От переименования Р. К. П. ее победы в истории не исчезнут. Если будет организационная борьба, то она прекрасно найдет себе и формы и лозунги. «Национальные партии» и сейчас являются организациями всесоюзной партии и «почему не дать возможности» им самим обсудить вопрос о своем переименовании. Обязывать их решением «партсъезда» нет надобности.

Саркис проникся доводами докладчика и снял свое предложение. Будировал Рязанов, кричавший с места: «нет самого большого слагаемого Р. К. П.!» Съезд переименовал Р. К. П. — в В. К. П. Но, в самом деле, куда девалась русская часть бывшей Российской Коммунистической Партии?

Одно из приветствий Всесоюзной Коммунистической партии.

От рабочих волжского цементного завода приветствовал XIV съезд Грофимов такой речью:

«Товарищи, я работаю 30 лет, не сходя с цементного завода (апплодисменты) и все время дожидался своего родного рабоче-крестьянского правительства, думая: благодаря твердой надежде, дождусь я такого великого правительства из рабочих и крестьян, и дождался, благодаря их вождю — коммунистической партии... Разрешите, товарищи, выразить пожелание, чтобы мы видели в текущем году еще новый пуск в ход нескольких заводов и фабрик, улучшение быта рабочих и поднятие производительности крестьянского хозяйства. Вся советская Россия поднялась до такой высоты, как магнитная гора. Со всех краев земного шара угнетенные пролетарии протягивают руки, просят помощи. И наше мудрое правительство, рабоче-крестьянское, по силе своей дает помощь. Но проклятые враги наши, буржуи заграничные и наши, подняли кулаки и говорят: разобьем всю эту магнитную гору. Но, товарищи, не придется им! Пролетарии залили цементом эту гору и мы, первые, подыдем голоса и закричим: «руки прочь, долой!» и они упадут, как подгнивший столб. Да здравствует XIV съезд и коммунистическая партия! (Аплод.). Очень рад я и счастлив видеть массу строителей новой жизни русского народа. Со всей России здесь сидят, все строят улучшение трудовой жизни: татары, мордвины, греки (смех), — греков, пожалуй, нет, а кавказцы, киргизы, калмыки, — все здесь, и строят наше государство, под мудрым руководством нашей коммунистической партии. (Аплод.)»...

СОБЫТИЯ В ПОЛЬШЕ.

В течении нескольких лет Польская Республика переживает острый экономический и политический кризис. Вследствие сокращения производства возникла хроническая безработица, схватившая значительные массы промышленного пролетариата; пышно расцвела спекуляционная, захватывая и вовлекая в ряды злостных гешефтмахеров даже лиц высокопоставленных. Крахи банков приняли настолько широкие размеры, что возник целый своеобразный «класс» пострадавших вкладчиков, причем последние не только объединились в особую организацию с целью защиты своих «классовых» интересов, но для этой цели издадут даже свою «профессиональную» газету. Обычным и широко распространенным явлением в Польше стало нищество в явной или в скрытой форме сборов на «благотворительные» предприятия; сотни и тысячи людей специализировались на собирании «пожертвований», причем сами они получают с собранной суммы, известный процент, достигающий нередко половины собранного. Мы не говорим уже об увеличении числа таких социально-патологических явлений, как проституция, грабежи, убийства, воровство, аферизм и т. д. Криминальная хроника постоянно регистрирует польских граждан — преступников. Все это результат тяжелого экономического состояния страны, откуда общая депрессия экономической жизни выбрасывает безработный элемент на отхожие «промыслы». Но все таки наиболее показательным для критического состояния экономической жизни Польши является почти катастрофическое падение польской валюты, имевшее место в конце прошлого года.

Одновременно с экономическим Польша попала также и в полосу затяжного политического кризиса. Упорная борьба между правыми (буржуазно-капиталистическими) партиями и левыми (пролетарскими и левокрестьянскими) осложняется еще борьбой национальной. Польская республика, в качестве фаворитки победительницы-Антанты, инкорпировала значительную территорию, населенную непольским элементом; благодаря этому получилось, что на этнографически-польских землях число поляков составляет лишь относительное, а не абсолютное большинство общего количества населения Польши в ее теперешних границах. Националистическая политика польского правительства в отношении т. н. «национальных меньшинств» (особенно украинцев и белорусов), живущих на своих территориях большой компактной массой, не могла, конечно, разрешить сложного вопроса между-национальных отношений; наоборот, практика репрессий, преследований, недопускание национальных организаций, закрытие школ, церквей, газет и т. д. только обостряла и без того напряженное состояние борьбы национальностей за свои политические права и национальную культуру.

В ряду правительственных кризисов Польши, которые стали в последние годы весьма частым явлением политической жизни страны, последний кризис, связанный с именем маршала Пилсудского, носит несколько необычный характер. Дело в том, что после выхода в начале мая т. г. из состава коалиционного правительства представителей Польской Социалистической Партии (P. P. S.) кабинет Скржинского перестал пользоваться доверием и поддержкою со стороны умеренно левой части сейма, не находя в то же время поддержки ни со стороны крайней левой, ни со стороны крайней правой части польских парламентских фракций. Доверием или поддержкою со стороны национальных парламентских репрезентаций (украинской, белорусской, немецкой) он вообще никогда не пользовался. Это привело к отставке кабинета Скржинского, вместо которого составление кабинета поручено было лидеру, правой аграрной партии Витосу. Последний, опираясь исключительно на правые реакционно-буржуазные партии, составил из их представителей свой кабинет. Демократическая часть польской общественности оценила третье появление Витоса на политической арене в качестве министра-президента,

как вызов, и заняла по отношению к его кабинету непримиримую позицию борьбы. Маршал Пилсудский в данном им интервью также резко отрицательно высказался по адресу Витоса и его кабинета; за напечатание этого интервью, газета «Kurjer Poglany» была конфискована. Вслед за тем на резиденцию марш. Пилсудского совершается нападение вооруженного отряда польских фашистов. Пилсудский отвечает на это походом на Варшаву, во главе отряда из нескольких полков регулярного войска, к которым присоединяются все новые полки. В течение нескольких дней Пилсудский с боем овладевает Варшавой. Правительство и президент республики бегут из Варшавы, и 14 мая т. г. капитулируют перед Пилсудским: президент Войцеховский слагает с себя обязанности; а весь кабинет Витоса подает в отставку. Господином положения оказывается маршал Пилсудский, которого поддержала польская демократия. Постепенно вся страна признала совершенный Пилсудским переворот, как *fait accompli*, а его самого готова была считать главою государства и чуть-ли не диктатором. Некоторую оппозицию ему проявили правые элементы в Познани, но скоро и они смирились, прекратив свою фронду.

Маршал Пилсудский в самом начале своего выступления вполне определенно заявил, что он борется за интересы демократии, что он не посягает на конституционные права президента республики, что он не имеет намерения изменять или нарушать конституцию республики и только желает удалить кабинет Витоса, как вредный интересам всей республики и враждебный демократии. Вследствие этого он отказался объявить себя главою государства с диктаторскими правами. Отказался он также от президентского поста после выборов и ограничился тем, что принял назначение на пост военного министра уже предложенного ему временно исполняющим функции президента республики председателем сейма Ратаем.

С точки зрения формальной, невыдержанность и непоследовательность поведения Пилсудского очевидна. Желая оставаться во что бы то ни стало лояльным и законопослушным гражданином республики, Пилсудский не должен был поднимать военное восстание с единственной целью изменить состав кабинета министров, призванный к жизни с соблюдением законных норм польской конституции; ибо если признать, что гражданин Пилсудский имеет право решать подобный вопрос путем вооруженной борьбы, то и за всяким вообще польским гражданином следует признать право решения государственных дел *manu militari*. Но это явно противоречит основам демократии, на защиту которой, по собственным его словам, выступил Пилсудский и его сторонники. С другой стороны, если Пилсудский поднял вооруженное восстание с определенным намерением произвести революцию в Польше и установить действительно демократические порядки, вместо существовавших там недемократических, то тогда решительно непонятны заверения его в лояльности в отношении той конституции, на основе которой оказался возможным настолько анти-демократический режим, что его пришлось Пилсудскому валить и исправлять вооруженной рукой.

Мы считаем, что борьба демократии и реакции легко может привести к вооруженному столкновению враждебных лагерей, если реакционно-буржуазные партии станут бесцеремонно поступать в отношении широких народных масс, пренебрегая интересами всего общества и государства во имя своих классовых интересов или своего группового эгоизма. Но в таком случае нет никакой надобности прятаться за выражения лояльности и за формулы законности, а следует открыто провозгласить и использовать право народа на революционный способ изменения старого правопорядка, если легальные и парламентские способы борьбы оказываются недостаточно действительными.

Однако, факт остается фактом: маршал Пилсудский при поддержке польской демократии выступил на борьбу с польской реакцией и победил ее. Если эта победа окажется прочной, то она несомненно отразится благоприятно не только на внутренней, но и на внешней политике Польши. Мы будем внимательно следить за дальнейшим развитием событий в

Польше и за политикой ее нового правительства. Нас особенно будет интересовать, насколько это новое правительство сумеет практически осуществить принципы демократии в применении ко всем национальностям и, в частности к тем *непольским* национальностям, которые в результате мирных договоров Польши с соседними государствами оказались оторванными от основной части своего народа. Попытается ли и сумеет ли найти польская демократия надлежащие формы и способы для осуществления права наций на самоопределение, на основе которого возникла и сама польская республика, — вот вопросы, которые представляют наибольший интерес с точки зрения защищаемых нами принципов самостоятельности и независимости всех наций Востока Европы.

Г. А.

ОТТО БАУЕР, АВСТРИЙСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА.

Какой то наивный коммунист спросил Рыкова: «не слишком ли дорого нам обходятся заграничные делегации?». Об этом узнал Сталин и на XIV съезде пылко обрушился на «таких» товарищей. «Стыдно так говорить! — гремел диктатор — ни перед какими расходами... и жертвами мы не можем и не должны останавливаться для того, чтобы помочь рабочему классу Запада посылать к нам своих делегатов». И вот, благодаря неслыханным жертвам большевиков, «делегации» возвращаются домой из С. С. С. Р. в восторге от всего ими виденного, слышанного и съеденного.

17 апреля одна из таких «делегаций» — австрийская — как сообщает «Социалистический Вестник» (№ 9) «давала отчет» в Вене собранию доверенных лиц соц.-дем. организации. Последняя не выбирала и не посылала этих «делегатов». Все эти Фаркасы, Пицли, Маркли и Ларесы открыто нарушили партийную дисциплину и, вместо того, чтобы их всех объявить вне партии, им собирают цвет социал-демократии и с «обширной отповедью» выступает сам О. Бауер.

Доклады неделегированных делегатов «С. В.» не приводит, ограничившись замечанием, что они «были построены по ставшему уже обычным шаблону». Зато приводятся обширные выдержки из отповеди О. Бауера. Его главным образом интересует вопрос: находится ли власть в России в руках «самого рабочего класса?». Оказывается «этого нельзя сказать», пролетариат не может там по своему желанию «менять состав правительства»; там действительно необходимо создать «правовой строй», при котором правительство было бы действительно зависимо от «свободного волеизъявления рабочих». Поэтому О. Бауер требует: «легализации» социал-демократических партий и тайные выборы в советы!»

Легализация социал-демократических партий, как представительниц пролетариата, вполне соответствует намерению дать рабочим возможность влиять на состав правительства. В советы же избирают и другие классы. Если и они наделяются правом тайного голосования, что препятствует легализовать партии, представляющие крестьянские и вообще мелко-буржуазные интересы? И так как в советском Союзе помещики и капиталисты уничтожены, то, кажется, никто не мешает требовать введения всеобщего избирательного права и не только тайного, но и прямого, но и равного?..

О. Бауер видит «действительные разногласия» между с.-д. и большевиками в способе избрания. Он готов согласиться, что коммунисты являются «рабочей властью», если за них тайно высказались рабочие. По официальным советским данным на 1-е октября 1925 г. из 140 миллионов населения рабочих насчитывалось в С. С. С. Р. 7 миллионов (во всех отраслях сельского хозяйства и промышленности), крестьян же, в воз-

расте от 18 до 60 лет — 54 с лишним миллионов. В восемь раз больше. Среди всех рабочих — коммунистов обнаружено всего 8%, среди сельского населения — всего 0,37%. Допустим, все рабочие тайно голосуют за коммунистов. Тогда они несомненно «власть рабочего класса». Но против них голосуют все сельчане, за ничтожным исключением (0,37%). Следует ли социал-демократии успокоиться на «власти рабочих» и допустить явное насилие меньшинства над большинством народа? Кто признает власть меньшинства тому должно быть безразлично какой процент составляет часть к целому: один или сорок девять. Если можно меньшинству господствовать над народом, почему нельзя меньшинству класса господствовать и над своим классом и над всем народом? Или социал-демократия за власть большинства и она отстаивает демократию, или она покоряется меньшинству и тогда становится на коммунистическую плоскость.

О. Бауер спрашивает: что делать рабочему классу С. С. С. Р., утратившему доверие к коммунистам? И отвечает: у него нет «никаких способов» положить конец их господству. Он рассуждает так: прибегнуть к открытой силе — безумие, прокладывание дороги контр-революции. Легальных средств — нет. Поэтому: «легализация социал-демократических партий!» Вывод чрезвычайно неожиданный. Правильнее было бы поэтому — молчите и терпите, пока какая-нибудь неожиданная болезнь не истребит всех коммунистов. Раз никаких способов устранения господства большевиков нет, что может их (большевиков), заставить удовлетворить требование О. Бауера? Ничто. Ведь большевики не желают иметь оппозицию даже из среды красы и гордости своей старой гвардии — Зиновьева и к-о!

Если бы сегодня открылась щель для легальной деятельности, — социал-демократия поступила бы недалекоидно, не стараясь забраться и в эту щель. Некоторую легализацию получили беспартийные. И некоторые социал-демократы работают под видом беспартийных. Но в какой форме можно предъявить коммунистам требование о легализации социал-демократии? Оставляя в стороне надежды на влияние в этом направлении иностранных социал-демократов, в самом советском союзе это требование надо чем-то поддержать. Предположим, что 92% рабочих, несостоящих в коммунистической партии, готовы поддержать легализацию социал-демократов. Повсюду этого рабочие требуют. Коммунисты категорически отказывают и приводят в порядок пулеметы, пушки, блиндированные поезда, отряды особого назначения и прочие неприятные вещи. Рабочие волнуются и не знают что делать: объявить всеобщую стачку, призвать войска к неповиновению, идти демонстрацией к Кремлю с лозунгом: «долгой новое самодержавие!», подать петицию? По О. Бауеру всего этого делать не надо. Ибо такие действия рабочих есть начало восстания рабочих против большевицкого режима. Но восстание — безумие. Если так думает О. Бауер, то коммунисты это докажут, не постеснявшись жестоко расправиться с теми, кто вздумает не на словах, а на деле бороться хотя бы за кучую легализацию. И рабочим ничего не остается, как разойтись по домам, благословляя удивительно жизненную и приемлемую бауеровскую тактику.

Раз нет никаких — ни легальных, ни нелегальных — способов положить конец господству большевиков, то социал-демократам остается в С. С. С. Р. распустить партию (смысл существования которой — взять власть в государстве) и мечтать. Тем более, что Сталин великодушно разрешил мечтать. Мечтать, что коммунисты переродятся, а в советах восторжествует голос беспартийных мучеников. Или надеяться, что объективная экономика съест субъективную большевицкую политику и терпеливо ждать, пока эта экономическая улитка приедет. А большевики будут посмеиваться, накапливать «резервы», печатать фальшивые деньги, продавать оптом и в розницу естественные богатства, спавивать народ «рыковкой», чертить и вымарывать грандиозные планы переустройства общества, и — главное — содержать несколько сот тысяч преторианцев, готовых за свои привилегии и сладкую жизнь пойти в огонь и в воду.

О. Бауер боится, что «восстание» проложит дорогу контр-революции. Боязнь вполне основательная. Но почему он не боится, что такую же дорогу контр-революции прокладывает — и добавим — уже проложила большевицкая «революция»? Неужели теперь большевики еще носители революции? Не через их ворота вошла самая свирепая реакция? Не они ли величайшее препятствие к укреплению подлинных начал революции? О. Бауер давно твердит о «крупном» достижении большевиков, «сосредоточивших» средства производства в руках государства. Но какого государства? Государства, которое растрчивает, а не увеличивает, которое ведет хозяйство хуже худшего капиталистического предприятия. О. Бауеру любопытно увидеть к чему приведет советский «опыт»? Сумеют ли там рабочие обойтись без капиталистов? Пока этот «опыт» обречен на смерть миллионы людей. И в отсталой стране он не может не давать самых губительных результатов. Почему О. Бауер, в гораздо более передовой Австрии, занимающей к тому же пространство меньше одной советской губернии, имея за собой безусловное большинство австрийского пролетариата, не приступит к этому важному «эксперименту»? О. Бауер продолжает упорно именовать коммунистов в С. С. С. Р. «пролетарской партией». На каком основании? Разве эта партия не гнет в бараний рог рабочих, не душит их ежедневно, ежечасно? Какие рабочие входят в эту партию? Одни, бойкотируемые всеми другими рабочими. Тогда и фашисты в Италии «пролетарская» партия, потому то таких рабочих они имеют в количестве, вероятно, не менее 8% всего итальянского рабочего класса.

Но допустим, что большевики пошли на легализацию социал-демократических партий. Всякая легальная оппозиция строится по своему правительству. Другими словами: она не должна затрагивать основ существующего строя, ограничиваясь заплатами и мелочами. Коренной основой советского строя есть «диктатура пролетариата». Как совместить «диктатуру» с «правовым» строем, которого начнет добиваться, по обещанию О. Бауера, социал-демократия? Кто зовет, хотя бы половинчато, к правовому строю, тот зовет прямо или косвенно уничтожить советскую систему государства. Советская конституция решительно отрицает парламентаризм, позволяющий в выборных учреждениях более или менее точно отобразить соотношение классовых сил в стране. Она закрепляет диктатуру. Но советская конституция не в силах помешать парламентаризму, хотя бы и в изуродованном виде, просачиваться при порядке выборов в советские учреждения. Кто думает, что тайные выборы в советы не шаг к победе парламентаризма над диктатурой, тот или лицемерит, или наивно заблуждается. Результат первых же тайных выборов в советы покажет стране торжество «правового» строя, а большевикам, что они пользуются всеобщей ненавистью. И коммунисты будут ждать, пока соберутся нелюбезные делегаты населения? Они будут покорно позволять «менять состав правительства» и всех его паразитов в различных общественных и государственных учреждениях? Они немедленно покончат с легализацией, а социал-демократов и всех приверженцев правового строя — в лучшем случае — спрячут по «завету Ильича» в тюрьмы и в Соловки. Что делать взбудораженным избирателям? Идти защищать своих делегатов? Подняться на советских опричников? Свергать диктаторов? Но ведь это пахнет «восстанием»? А восстание, как сказал О. Бауер, — безумие...

И стоит ли повторять уже однажды испытанное? За что изгнали из советов меньшевиков? За контр-революционность. В чем она заключалась? В призыве к установлению правового строя. Ну, выгонят меньшевиков еще и еще раз. Коммунисты ведь не переродились и, по уверению Сталина, не из такого материала они склеены, чтобы переродиться.

О. Бауер, оказывается, никогда не участвовал «в упреках, которые делались русской революции за кровь пролитую ею во время гражданской войны». Тут во-первых, большевики опять смешиваются с русской революцией, а, во-вторых, О. Бауер тут явно расходится с покойным

Ю. О. Мартовым, с «самого начала» отстаивавшим легализацию. Ю. Мартов писал пламенные протесты против гнуснейших насилий производимых большевиками от имени революции.

Но как бы то ни было гражданская война давно миновала и О. Бауер, ознакомившись с официальными сведениями о том, что в России за 1925 год приведено в исполнение 1200 смертных приговоров, говорит себе: «как хорошо было бы, если бы в советской республике была легальная оппозиция с ее контролем и критикой!»

«Как хорошо было бы!» Легальная оппозиция контролирует и критикует, а советская власть приставляет к стенке и расстреливает! Повар держит речи и стыдит, а Васька «слушает да ест!»

Не так туманно выражается О. Бауер, когда касается прав и обязанностей коммунистов. Он твердо заявляет:

«никто не может упрекать русское правительство за то, что оно защищается против восстаний. Это его право, его обязанность. Оно имеет право арестовывать грузинских социал-демократов, участвующих в восстаниях».

Почему только «арестовывать»? Почему «русское правительство» не имеет права и расстреливать грузинских рабочих и крестьян, в особенности уже задолго до восстания арестованных, в особенности родственников восставших, которые им несомненно оказали содействие, в особенности заложников, которые не могли хорошенько внедрить в сознание своих сельчан и горожан, что восстание безумие! Если есть «право» защищаться, то нечего контролировать и критиковать «защищающихся». Ведь коммунисты защищаются не десертными вилками! Зато для тех, на кого *нападает* «русское правительство», для тех, кто не имея *никаких средств* положить конец неслыханному произволу большевиков, защищаются с оружием в руках, О. Бауер требует... *амнистии*. «По прошествии известного времени — отповедывал он, — мы, социал-демократы, всегда боролись за амнистию. Будем поэтому требовать амнистии и для России и Грузии!» Коммунисты, подавляя восстание поступают согласно своим правам и обязанностям. Хорти и Цанков, арестовывая и борясь виселицами с коммунистами поступают по праву. Австрийские коммунисты имеют право беспрепятственно проповедывать восстание и призывать к свержению австрийской демократической республики. Все наделяются О. Бауером правами. А вот грузинские социал-демократы присоединившись*) к возникшему против оккупантов восстанию грузинских рабочих и крестьян поступают *неправильно*. Их надо *понять*... для них надо просить амнистии!

Кто был в 1925 году расстрелян по «официальным данным» (и сколько по нефоциальным?) в С. С. С. Р.? Часть этих 1200 человек — несомненные бандиты царского или большевицкого гнезда. Но большинство — отчаявшиеся во всех средствах повстанцы, крестьяне, не вынесшие большевицкого «социализма», рабочие, доведенные безработицей до крайности, красноармейцы, отказавшиеся быть палачами. Все эти смертники неорганизованно и сумбурно *восставали* на коммунистов, но... коммунисты «защищаются»; это «их право и обязанность». Они провокационно вызывают волнения и цинично откровенничают, что предпочитают предупредить болезни, чем лечить их, расстреливать до восстания, чем ждать, пока на них серьезно восстанут. Может социал-демократия разъяснить населению С. С. С. Р., что напрасно оно отвечает нелепо, стихийно, зверски и бестолково на большевицкий террор террором, а что лучше, целесообразнее и действительнее спланироваться для *свержения* деспотов и установления правового строя? Как будто по О. Бауеру не может. Ибо такое разъяснение выходит за рамки легальной оппозиции и пахнет антибольшевицкой революцией, что близко граничит с восстанием. А восстание, как уже, много раз говорил О. Бауер, безумие!

*) Подробности см. в заметке: Амор'а. «Германская делегация в Грузии».

О. Бауер, отповедывая австрийской «делегации» не подозревал, что имеет дело с легальнейшей, всеми большевиками признанной, социал-демократической «оппозицией». Каков взгляд большевиков на подобные делегации? Смысл рабочих делегаций в С. С. С. Р., — разъяснял своим подручным Сталин на XIV съезде, — «этого паломничества рабочих в нашу страну» тот, что все советские учреждения — от Совнаркома до исполкомов на местах видели в них «дружеский, братский контроль рабочего класса Запада над нашим строительством, над нашим рабочим государством». Делегации, осмотрев это государство считают его своим «детищем», судьба его становится им «близкой» и рабочий класс Европы «берет на себя» «моральную за него ответственность», берет на себя «задачу его защиты». Делегации убеждаются, что «мы» единственное рабочее государство, за которое «им» на Западе «стоит драться» и защищать против своего капитализма. Коссиор в Грозном, Серебровский в Баку, нежнейший Дзержинский в Высшем Совете Народного Хозяйства не просто информировали делегации, а «отчитывались» перед ними*).

Так большевики расценивают прибывающие к ним заграничные делегации.

И австрийская делегация проконтролировала и прокритиковала большевиков. Австрийская же социал-демократия выслушала ее «отчет», а О. Бауер с делегатами спорил, хотя во многом и соглашался. О. Бауер верит в крепость советского режима, но он хочет проверить. Он хочет сам назначать делегатов, сам пригласить переводчиков, самостоятельно выработать план своей работы в России. Но большевики его заранее объявляют прихвостнем буржуазии, и ссылаются на его партийных товарищей «рабочих от станка», которые все видели, все высмотрели и всем остались довольны. О. Бауер, например, не хочет быть гостем правительства, подающего на закуску «пленных социалдемократов», а его партийные товарищи все съедают, ибо «пленные социалдемократы» есть по Бауэру же, законная добыча коммунистов, защищающихся от восстаний.

Где тонко, там и рвется. Бауеровская социалдемократическая тактика для С. С. С. Р. сплетена из тонкой паутины**).

---

*) См. стенографический отчет XIV съезда всесоюзной коммунистической партии, Гос. Изд. 1925 г.

**) Заметка была уже набрана, когда мы ознакомились с протестом Ц. К. Р. С. Д. Р. П. против поведения австрийской делегации в С. С. С. Р. Останется ли довольным Ц. К. отповедью Бауэра. Г. А.